

Владимир Рыжков



КИНЩИК

Повесть

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...

Как сейчас вижу. Утро просыпалось медленно, нехотя, но костер рассвета уже румянил облака. Гнать в стадо любимицу семьи корову Зорьку было моей ежедневной обязанностью. Словно отводить в детский сад младшую сестру. И хотя по сельскому распорядку шесть утра – время уже позднее, вставать всегда ой как не хотелось. Отец к этой поре уже воспитывал в бригаде сонных трактористов, мать собирала в аккуратную стопочку проверенные ночью контрольные работы. Тетради все были одинаковыми, но каждая даже по внешнему виду могла многое рассказать о школьнике, его поведении и заслугах в учебном деле.

Зорька, корова умная и добрая, все понимала с полуслова. Скорее, она меня вела в стадо, где мычали ее подруги и ругались их хозяйки с «атаманом» – одноглазым конюхом Тимофеем. Вопрос споров был один – несвоевременная оплата денежных взносов «атаману».

Тимофей со злостью крыл кнутом бока невинных коров должниц, будто лупцевал зады их хозяек. Обычно он хмуро приговаривал:

– С долгами жить – себя не уважать...

Потом стадо уходило все дальше за большак и таяло в пыльном облаке. А мы возвращались домой. Село к этому времени окончательно просыпалось, наполнялось привычными звуками. Гудели на току машины, визгливо скрипел насос водокачки, звучали по колоколу объявления совхозного радиоузла. Всех, конечно, интересовала информация, какое кино сегодня будут крутить в клубе. Я, один из немногих, знал эту «военную тайну», доверенную мне вечером киномехаником Лидией Разумовой, у которой неофициально числился помощником.

По привычке усаживался на крыльцо нашего старого бревенчатого пятистенка, который поднял еще мой прадед, и не без интереса наблюдал, как вступают в новый день соседи. Напротив жила Валентина Стешина с семидесятилетней матерью. Покосившийся домик она купила у бабки Марфы, которая переехала к детям в город и вскоре умерла. Громкоголосая и статная Валька перебралась из соседнего села, где бросила мужа, набив ему в ссоре синяк под глазом. Обиженный супруг подал на нее заявление участковому, и тот чуть было не посадил обидчицу на 15 суток, но Стешина умело уладила дела, о чем долго судачила вся деревня. Правда, Валентину это мало волновало, так как она и не скрывала, что не прочь выскочить замуж за серьезного



мужика. Но пока в этом промысле ей не везло. Потому лямку всех забот по дому тянула одна. В этот раз, судя по всему, надумала до вечерней дойки большую стирку. Загодя растопила во дворе печь, установила на ней бак для кипячения белья.

– Федька, а, Федька! Родня ты мне или нет? – услышал я хриплый голос брата матери дяди Толи, который жил рядом и обычно посылал меня в магазин за чекушкой водки. В совхозе он числился комбайнером. В страду показывал хорошие результаты, его портрет даже напечатали в районной газете. Но после жатвы производительность лидера падала до нуля. Всю зиму и лето он гонял балду и пил водку, которую, когда у дяди Толи кончались деньги, давала ему в долг продавщица Зинка Морозова. Говорят, что по молодости дядька на ней чуть не женился, да та вовремя объявила ему от ворот поворот. Зинаида слыла местной красавицей, пела в совхозном хоре, и кто-то ей сказал, что она похожа на Клавдию Шульженко. За «знаменитостью» стал ухаживать прораб грузин Рамаз. Но старая дружба, как говорят, не ржавеет, потому Зинаида жалела моего дядьку-горемыку, зная, что тот обязательно вернет долг.

– Федька, может быть, Зинаида яйца за чекушку возьмет? – предложил бывший ударник труда. – У вас, знаю, курицы хорошо несутся.

– А с чего это вы вчера, дядя Толя, набрались? – без особого интереса задал каверзный вопрос родственнику. Со старшими в нашей семье было принято говорить на «вы».

– Причина самая что ни на есть серьезная, племяш, – почесал выпирающие ребра дядька. – Василия Бесфамильного знаешь?

– Знаю.

– А телку его?

– Вчера утром в стаде видел.

– Все, капец ей, – хлопнул в ладоши Анатолий. – Оказалась несчастливой, ногу сломала. А коровам инвалидность не дают. Значит, что? Резать надо, иначе совсем сгинет! Васька поутру ко мне прилетел: помоги, кум, ситуация – хуже не придумаешь. Оказывается, эту телку ему подарила теща. Привела на двор со значением – мол, когда, зятек, корову в будущем году зарежешь, мне отвалишь половину мяса. Одним словом, не захотела скотину растить, для нее же корма нужны. Ну бабье и хитрое! Что делать? Друга нужно выручать. Ты же знаешь, резать скотину я мастак. Ко всему, думаю, за работу шмат мяса отвалят.

– Отвалили?

– Не спеши. История непростая. Пока ножи точили, вода в казане грелась, решили выпить по сотке, чтобы рука была тверже. А телка орет дурниной, видно, почувствовала кончину. Прямо на душе стало тошно, такого со мной еще никогда не было. Говорю Ваське: «Налей еще». Выпили. И только собрались в сарай идти, как во двор вбежала Васькина теща, злая-презлая, и как отоварит его дрыном. «Ах, сволочь! – кричит на всю улицу. – Жизнь дочери, алкаш, сломал, а еще и телку мою сгубил». Вот дура! Васька-то причем? А теща пошла на меня, хотела тоже ударить. Хорошо, что успел увернуться. «Все, больше ноги моей здесь не будет!» – шибче прежнего заорала баба и пулей вылетела со двора. Ну, сам понимаешь, как за дела в такой обстановке браться. Говорю Ваське: «Давай успокоимся, наливай под самую риску рюмки». Подняли, еще и закусить не успели, а во двор вваливается наш духорной бригадир Кондратьев. Два вершка от мешка. Кепку на глаза натянул и давай мораль читать. Мол, почему не на работе? В полдень уже еле на ногах держитесь! Ваську тут же лишил премиальных, а мне посоветовал на глаза ему не попадаться. Сел в «газон» и запыллил на МТС. Нет, ты подумай, у человека горе, а его премии лишают. Василий, говорю я другу, в такой нервной

обстановке я телку резать не буду. А вдруг твоя сумасшедшая теща участкового приведет – пятнадцать суток обеспечено. Позови кого-нибудь другого. И откланялся. Вот видишь, какая получилась история про несчастливую телку.

– Целая трагедия, – посочувствовал я дяде Толе и соскочил с крыльца. – В магазин к Зинке я не успею, на почту бежать надо, документы отправлять.

– Какие документы? – заинтересовался дядя.

– В институт решил поступать. В Москву, во ВГИК.

– Какой институт? Военный что ли? – казалось, даже забыл о чекушке дядька.

– Институт кинематографии, – вывел я из сеней велосипед.

– А зачем он тебе, этот ВГИК? Ты и так хорошо кино показываешь. После директора кинщик в совхозе, можно сказать, второй человек. Уж лучше бы ты в агрономы пошел да быстрее Кондратьева из бригадиров вытурил. У него же кроме ПТУ за плечами ничего нет, а ходит, как генерал.

Последних слов дяди Толи я уже не слышал. Со всех сил нажимая на педали, катил на велике к зданию почты, а на багажнике, в школьном портфеле, у меня лежали, как мне тогда казалось, самые важные документы моей жизни.

Я мчался с удивительным, не приходившим ко мне до этого настроением. Будто в космос лететь собрался. И когда вырулил на главную улицу села, чуть не закричал от восторга – как красива наша деревня! Наверное, такой же удивительной показалась из космоса земля Юрию Гагарину.

Наше село Старая Макинка было спрятано в живописном мелкосопочнике, покрытом изумрудным хвойным лесом. А опоясывали его, словно оборки в нарядном платье невесты, березовые колки. И соединяли все убранство две большие плотины. Делила же самый центр поселка, как раз у почты, шаловливая безымянная речка. К жаркому июлю она обычно мелела, но по весне мы, пацаны, в мутной суетливой воде ловили плотву и ершей.

Свою деревню я полюбил еще больше, когда в девятом классе наш хромой историк Петр Сергеевич сформировал экспедицию по изучению истории села. Десятиклассника Игоря Фомина он назначил командиром формирования, а меня секретарем.

– У тебя, Бруснецов, в грамматике неплохо получается. Чувствуется талант, – напутствовал Сергеевич, вручив пачку серой бумаги и два простых карандаша. Это и было первое хозяйство нашей экспедиции, которое в будущем станет ценным архивом.

Такой выбор историк сделал, видимо, и потому, что буквально за месяц до этого в нашей районной газете «Свет Октября» появилась моя первая заметка о школьном митинге против китайского вторжения на остров Даманский. Моя мама, учительница начальных классов, пришла на обед и, разливая борщ, устало попросила:

– Федя, помоги, зашиваюсь. Я на этой неделе в школе политинформатор. Директор велела в газету написать заметку о сегодняшнем митинге. Ты же был на нем?

– Ну, был, – намазывал я ломоть хлеба горчицей. – Только как ее, эту заметку, писать?

– А черт ее знает! – бросила половник в кастрюлю мать. – Думаю, осудить агрессию нужно. Со всей решимостью, чтобы другим было неповадно.

Так я получил свое первое редакционное задание.

Поздно вечером, когда мать прогнала парное молоко через сепаратор, я сел на кухне писать заметку о митинге. Долго ломал голову над заголовком, два раза чинил острый карандаш и наконец вывел на чистом листке «Решительный отпор». А что, подумал я, вполне боевой заголовок. И уже занес руку для нового предложения, да не тут-то было – застрял и ни шагу вперед. На всякий случай смял листок и на

новом написал то же название. Так сказать, для вдохновения, видел в фильмах, как это делают поэты, но, увы, результат прежний – ни строчки.

– Мам, дай свежих сливок, – попросил я.

– Для чего?

– Для вдохновения.

Неожиданным образом сливки из молока нашей Зорьки превратились в тонизирующий напиток. Я взбодрился, и дело пошло быстрее. За полчаса сочинил заметку. Вспомнил суровые лица выступивших на митинге, их гневные речи. Закончил информацию коротким призывом военрука Ивана Тимофеевича: «Не отдадим ни пяди нашей земли! Мы вам покажем кузькину мать!»

Мама погладила меня по голове, предложила еще стакан сливок.

– Все хорошо. Вот только с «кузькиной матерью» ты перегнул, – вычеркнула она последний абзац. Так я впервые столкнулся с цензурой.

Через три дня мою заметку опубликовала районная газета. На первой полосе, на самом видном месте. Дебют был замечен не только одноклассниками, но и учителями. А в конце месяца на мое имя почтальон принесла извещение на сумму 2 р. 43 коп. «За что?» – удивился я. Мама перевернула квиток, на его обратной стороне красным карандашом было написано «гонорар». На эти деньги я купил шоколадных конфет.

С тех пор стал пописывать в газету. Рассказывал о событиях, происходящих в Макинке. На многие из них меня, молодого селькора, стали приглашать персонально, как хорошего гармониста на большую свадьбу.

Первое заседание поискового отряда походило на оперативное совещание штаба фронта. Наш «генералиссимус», учитель истории Петр Сергеевич, нарисовал мелом на доске карту поселка и обозначил важнейшие участки – Хохлы, Москали, Берлин. Так у нас, в Макинке, между собой называли улицы, на которых жили переселенцы с Украины, Сибири, Поволжья, Кавказа – люди 30 национальностей. За каждым участком Петр Сергеевич закрепил несколько учеников.

– Старая Макинка – село древнее. Его в 1875 году основал землемер Макинский. Отсюда и название, – начал инструктаж «генералиссимус». – Когда будете опрашивать земляков, ведите себя вежливо и культурно. Сначала представьтесь. Кто вы и для чего пришли в семью. Поинтересуйтесь о здоровье хозяев, передайте привет от директора школы. И не хватайтесь за метлы и лопаты как тимуровцы. У вас другая задача. Вы собираете историю села. За грязный стол не садитесь, пусть крошки смахнут, иначе все бумаги будут в сальных пятнах. Какие будут вопросы?

– А как одеваться? В парадное? – спросила Сима Шевчук.

– Не обязательно, в чистое одевайтесь, – ответил учитель.

– А почему меня не включили в группу? – заволновался я.

– У тебя, Бруснецов, будет особое задание, – успокоил Петр Сергеевич. – Ты должен встретиться с председателем сельского совета Василием Ефимовичем. Он многое может рассказать. Родился в Макинке, воевал, имеет правительственные награды. Да что я тебе галдычу – он же твой дядька! Опять же – не спеши. Слушай и записывай, не стесняйся переспросить. Все понятно?

– Понятно, – загудел отряд.

– Тогда с Богом! – напутствовал «генералиссимус» и в досаде махнул рукой, поняв, что ляпнул что-то не то.

Небольшой пятачок у почты был в нашей деревне своеобразным местом для встреч. Почтовый дом срубили в конце пятидесятых. Получился он ладным, кра-

сивым. В комнатах пахло деревом и сургучом. В палисаднике росли осенние астры и оранжевые ноготки. А перед штакетником почтари установили две широкие лавки.

– На свою голову мороку сотворили, – ругался каждый раз, шлифуя метлой пяточок, начальник почты Виктор Афанасьевич Павлов. – Ну до чего у нас народ бескультурный. Только сел на лавочку – сразу в карман за семечками. И лузгают, лузгают – пока не кончатся. Не поселок, а бригада по очистке семян.

Я сижу на лавочке и слушаю добродушное ворчанье дяди Вити. И хотя семечек не щелкал, щеки мои зарумянились от стыда. Во-первых, Павловы наши соседи. Во-вторых, дядя Витя – фронтовик, связист. Почти всю войну проползал с катушкой за спиной. А в 45-м напоролся на мину. Остался без ступни правой ноги. Ну, а в-третьих... Тут, как говорится, дело личное. С дочерью Павлова Верой, моей одноклассницей, сложились непростые отношения. В младших классах я на нее и внимания не обращал. Пигалица, с веснушками на щеках, а волосы рыжие-рыжие – на закате солнце таким бывает. А после окончания десятого, на выпускном вечере я Веру не узнал. В голубом гипюровом платье, белых босоножках, с модной прической она мне напомнила героинь немецких трофейных фильмов. И что-то замкнуло между нами. Танцевали вместе весь вечер, потом всем классом ходили за большак встречать рассвет. Утром Верины волосы разгорелись, как костер. Я держал ее за руку, она улыбалась и качала головой: «А ты, оказывается, совсем другой». В ответ я что-то промямлил и поцеловал Веру в щеку. Она снова покачала головой и голосом нашей классной Лидии Михайловны произнесла: «Не спеши, мы еще маленькие...» И, потрепав мой лихо зачесанный чуб, побежала догонять одноклассников.

Потом с Верой мы не встречались почти месяц. Бывает так: живешь рядом, а не видишься. А тут на почте, в небольшом окошке, куда я просунул свой пакет, мелькнула золотая челка и знакомые веснушки.

– С вас, гражданин Бруснецов, за бандероль три рубля сорок копеек, – официально заявила Вера, а потом не удержалась и прыснула. – Федька, ты что? В актеры подался?

– Нет, – растерялся я, – в сценаристы.

– А это что за специальность?

– Истории для кино придумывать.

Вера пожала плечами и, предупреждая мой вопрос, устало сказала:

– А я вот к отцу на почту устроилась. Никуда пока поступать не буду. Мать разболелась, почти не встает, помогать нужно. На следующий год попытаюсь в педагогический, на заочный.

В комнату, стуча протезом, вошел главный почттарь.

– Федька, кинщик, – почему-то обрадовался он. – Что крутить сегодня будете?

– «Бродягу». Индийский фильм.

– Так он уже был.

– По просьбам тружеников нашего колхоза, – произнес я привычную фразу.

– А я обязательно приду. Страсть как люблю Раджа Капура, – улыбнулась Вера...

Было это, кажется, в седьмом классе. Как-то я не попал в клуб на дневной сеанс. Крутили мой любимый фильм про пограничников «Над Тиссой». В Старой Макинке его показывали уже в третий раз. И на каждом сеансе – куча-мала. Я пытался через задний вход пролезть на сцену, но там, на нетесаных досках, сидели и лежали совхозные пацаны.

Расстроенный, устроился на лавочке перед клубом и рисовал сандалиями узоры на песке. Настроение было никудышным, испорченным на неделю вперед. Попасть на фильм шансов уже не было – прозвучала бравурная мелодия киножурнала «Новости дня» и началась картина.

– Федор! Бруснецов! А ты чего такой квелый? – услышал я голос киномеханика Лидии Ивановны Разумовой. Она стояла на узком крыльце кинобудки, которую со значением называла аппаратной.

– Ну давай, быстро ко мне. Помоги бобины перекрутить. Сил-то хватит? Отвечать я не стал, а помчался в кинобудку. Здесь Лидия Ивановна уже укладывала бобину.

– Попробуй, мне помощник очень нужен. Тяжело одной стало управляться. Тогда я не мог и представить, что предложение Разумовой многое изменит в моей судьбе. Хотя и до этого случая я очень любил кино, не пропускал ни одного нового фильма, уговорил родителей выписать журнал «Советский экран». И тайно от друзей коллекционировал открытки киноартистов. Но о профессии киномеханика никогда не задумывался. Скорее, видел себя журналистом с лейкой и блокнотом, на худой конец ветврачом – уж больно его в Старой Макинке уважали и ублажали. Но стать «кинщиком» в мои юношеские планы никак не входило.

Тем не менее, все чаще и чаще я стал заглядывать в аппаратную Лидии Ивановны. Помогал перематывать бобины, а в каждой в ту пору было по 300 метров пленки, в полуторачасовом фильме, считай, четыре километра. Следил за работой генератора, чтобы пацаны не насыпали в бачок сахар. Если такая «диверсия» удавалась, генератор глох и сеанс приостанавливался на битых полчаса. «Диверсантами» обычно были те, кто не попадал по разным причинам на фильм.

Часто Разумова доверяла мне рисовать, а затем развешивать по поселку афиши. На велосипеде я развозил их по знакомому маршруту – МТМ, ферма, контора, почта, магазин.

После окончания восьмилетки Лидия Ивановна предложила пойти на курсы киномехаников. Я уже было стал собирать необходимые документы, но отец строго прикрикнул во время обеда:

– Еще чего! Будешь заканчивать десятилетку, а там прикинем. О решении отца я рассказал Лидии Ивановне. Она пожала плечами, но на должность помощника больше никого приглашать не стала.

В нашей деревне Разумова держалась особняком. Жила она в маленькой комнатке, пристроенной к клубу, которую почему-то называла флигелем. В Старой Макинке Лидия Ивановна появилась в середине войны, как и сотни эвакуированных с западных областей страны.

Как-то в перерыве между дневным и вечерним сеансом, она меня спросила: – Ты варенье из лесной клубники любишь? Пошли ко мне во флигель, почаевичаем. Времени еще вагон и маленькая тележка.

Варенье у Лидии Ивановны оказалось сладким, пахучим, сделанным по особому рецепту. За разговорами я впервые узнал о судьбе Разумовой.

– Родилась я в городе Жиздра Калужской области, – подкладывала она варенье мне в блюдечко. – Хороший городок, хоть и маленький, уездный, но красивый. С богатыми церквями, присутственными местами. И большим кинотеатром. Сталин любил кино, знал, чем голову народа дурманить. В Жиздрах я и курсы киномехаников закончила. Поступила на работу в кинотеатр, там с мужем познакомилась, электриком Василием Пятеркиным. Я его Пятерочкой звала. Жили сладко, уже думали детей заводить, да тут война проклятушая. В октябре

1941-го наш город захватили фашисты. Зверствовали в Жиздрах до августа сорок третьего. При отступлении за две недели взорвали все дома, расстреляли семьсот человек. Просто так, не за понюх табака. К той поре и Василек мой погиб. Куда мне податься? Ни кола ни двора. В Старую Макинку моя подруга эвакуировалась. К ней я и решила перебраться. Тем более, писала она мне, в деревне не было киномеханика.

Скоро чаепития во «флигеле» стали традиционными. О чем только не переговорили за это время. Больше всего о профессии. Разумова, например, рассказала, что раньше фильмоноски были неудобными, громоздкими. Так Лидия Ивановна приспособила под это дело коромысло. Уже позже появились так называемые портфели. Стало еще легче. Не было раньше и пресса для склеивания пленки. Склеивали ее, пока зрители кричали «Сапожники!», обыкновенным ацетоном. А копии до деревни доходили второй или третьей категории. Это значит, что прокрутили фильм от 250 до 500 раз. Как тут без порывов.

Как-то мы с Лидией Ивановной составили список лучших фильмов И вот что у нас получилось. На первом месте кинокартины о войне – «Судьба человека», «Подвиг разведчика», «Молодая гвардия». На втором – фильмы для души и настроения: «Солдат Иван Бровкин», «Весна на Заречной улице», «Свадьба в Малиновке», «Неуловимые мстители». Но на особом месте были индийские фильмы. Народ просто шалел от них. Да и мы радовались – план по кассе обязательно перевыполним.

Был такой случай. Привезли индийский фильм «Дети без матери». Билеты за час разлетелись. У дверей клуба – давка, будто Зимний дворец берут. Главбухша совхоза упала на урну, пришлось ее водой отпаивать. Только включили аппарат, на сцену выбегает заведующий фермой и перед залом становится на колени. «Люди добрые, – кричит он, – сорок доярок сейчас заканчивают дойку, очень хотят кино посмотреть. Подождите их полчаса, иначе они меня побьют». Макинцы засвистели, захлопали в ладоши – мол, давай, вези их быстрее, обязательно подождем. Через полчаса прибежали доярки, у дверей клуба сменили сапоги на туфли. Значит, заранее готовились. Не домой побежали, как обычно, детей и скотину кормить, а в кино пошли. Где и когда еще такое бывает!

Лидия Ивановна была моим первым «киношным» учителем. Жаль, что ушла она рано. После вечернего сеанса заснула в своем «флигеле» и не проснулась – сердце сдало. Хоронили ее всей Старой Макинкой. Женщины плакали, как на сеансе индийского фильма.

В небольшой кухоньке нашего дома тихо-тихо. Я удобно устроился на печке – жду, когда погаснет свет. В деревне знают все – ровно в одиннадцать вечера, после окончания киносеанса в клубе, движок замолкает. И тогда мама привычным движением ставит на середину стола керосиновую лампу и зажигает ее. Делает она это ловко. В комнате растворяются сумерки, становится уютно. Кухонные предметы приобретают таинственные очертания.

Обычно в это время по воскресеньям к нам приходит шумная компания соседей, любителей-картежников. Отец первым сдает колоду, начинается игра. Кто станет главным «дураком», всем известно. Но участники «первенства» бьются до последнего, предваряя каждый ход шутками-прибаутками.

После двух часов игры отец объявляет перерыв и достает из-за оконной занавески приготовленный заранее провиант – соленые огурцы и помидоры, аккуратно нарезанные кусочки сала, тарелку ягодного киселя, хлеб, испеченный мамой в нашей печи, и бутылку самогона. Компания оживает. Сосед, кузнец дядя Жора,

сыплет свежими анекдотами. Женщины игриво затыкают пальцами уши, но от души смеются.

Скоро самогон заканчивается, и отец, как главный судья, подает команду: «Жорка, сдавай карты! Уж больно хочется тебе по ушам проехать!»

– Это мы еще посмотрим, кто кого, – делает грозное выражение лица кузнец и громко объявляет козырь.

В обычные же дни мама достает из «учительской» сумки тетрадки, а я спрыгиваю с печки и приношу свои бумаги – толстый журнал, выданный в школе для написания истории Макинки.

– Ну что? Не получается? – спрашивает мама, не отрываясь от привычной работы.

– Не получается, – чистосердечно признаюсь я. – Может, дядя Вася подскажет, на неделе он мне велел забежать.

– Э-э-э, – протягивает мама. – Дядя Вася больше про себя расскажет, а кто про других вспомнит? Не все героями рождаются, а бывает, за жизнь горя так нахлебаются – никакому солдату не снилось. Вот, скажем, возьмем наших сирот. У них судьба – на десять романов хватит.

Сиротами в Макинке называли семью Клыковых, наших родственников, живущих на одной улице. Во время войны пятеро детей остались без родителей. Степан Клыков пропал без вести, позже умерла от туберкулеза его жена Даша. Встать ребятам на ноги помогал мой отец, двоюродный брат Степана. Дети выросли быстро. Вышла замуж старшая – Валентина, потом – Тоня. Три сына пошли учиться на курсы механизаторов. Постепенно в Макинке стали все реже вспоминать о Клыкове. И вдруг он объявился...

– Чем не роман? – погладила меня по голове мать. – На твоих глазах же все было. Иди, ложись. Попробуй представить, может, и что-нибудь потом напишешь.

В большой комнате я спал у окна, на котором стоял горшок с геранью. Она разрослась, пунцовые цветы, особенно утром, поднимали настроение. А ночью через листья пробивался свет луны, и мне казалось, что за окном начинается другая, мне мало известная жизнь.

Я прикрыл глаза и увидел, как идет по длинной улице Степан Клыков. Идет медленно, с любопытством вглядываясь в лица прохожих, удивленно осматриваясь по сторонам. По родной земле шел Клыков, но как-то робко он делал эти шаги, нехотя, словно сомневался – туда ли попал.

У старого моста Степан опустил на землю чемодан и присел отдохнуть. Достал пачку «Севера», долго чиркал спичкой, жадно закурил. За последние годы речка здорово обмелела, ее крутые глиняные облака осыпались.

Отсюда, с моста, хорошо был виден дом Клыкова. Срубил он его в тридцать седьмом, но не узнавал сейчас Степан свой дом. Стены покосились, резные наличники осыпались, жерди на крыше двора прогнили и торчали в разные стороны. Клыков поднялся на крыльцо и постучал. В коридоре кто-то гремел посудой.

– Да не закрыто у нас, – услышал Степан голос.

Потом дверь открылась, и на пороге появилась немолодая женщина.

– Мне бы Клыковых, – замялся Степан.

– Ну, я – Клыкова, – ответила женщина и удивленно стала приглядываться к незнакомцу.

– Валюшка, не признаешь...

Женщина ойкнула, растерянно сняла с плеч темный полушалок и тихо прошептала:

– Заходи...

Я отвернулся от окна, перевернулся на другой бок, но не мог заснуть. История дорогих моему сердцу сирот не отпускала меня. Я вспомнил, как в те дни шумела Макинка по поводу возвращения Клыкова в родной дом. Поползли по селу различные кривотолки.

– Что ни говори, а в чужих краях и волк подыхать не хочет, – плевались мужики.

– С какими глазами-то приехал Степка, – судачили бабы. – Совсем совесть потерял.

Кто-то пытался выведать причины возвращения у моего отца, но он как в рот воды набрал. Мне же он рассказал, что уехал Степан из Макинки в страшном сорок первом. Уходил на фронт утром, на зорьке. Его жена Даша проплакала всю ночь. Дети проснулись рано, а младший сын Колька все клянчил: «Тятя, привези мне пулемет».

Под Москвой Степан получил ранение и почти полгода провалялся в госпитале. А в сорок третьем и Даши не стало. Сироты жили у нас. Отец так решил до прихода Степана. Но от Клыкова не было вестей. Не вернулся он ни в год Победы, ни позже. Без вести пропал, решили земляки.

По случаю приезда Клыкова сироты устроили вечеринку. Всей семьей пришли на нее и мы. Родственники и соседи рассаживались чинно за столом, бросали косые недоверчивые взгляды на Степана. А после третьей рюмки про него и забыли. Заговорили, заспорили, запели.

Муж Валентины, здоровый, рябой тракторист Тимофей грохнул по столу и закричал:

– «Цыганочку» мне с выходом...

Расплылись в улыбке меха гармошки, и Тимка усердно загрохотал по деревянным половицам, стараясь вытащить еще кого-нибудь в круг.

Мой отец со Степаном сидели напротив меня, и я слышал их трудный разговор. Говорили с паузами, не глядя друг на друга.

– В конце войны встретил я Марию, – давил из себя Степан. – В одном эшелоне возвращались. Полюбил я ее, да так, что хоть режь меня на куски. Говорила она, мол, а дети как? Да не знал я тогда, что Дашу похоронили. Словом, из Москвы махнули во Владивосток. Там я в порту механиком пристроился. До пенсии и проработал. С Марией жили ладно, а вот детей не было. Видно, Бог наказал. А в последнее время у меня словно червь в душе появился. Все точит и точит, ночами глаз не сомкну. Думал сначала тебе письмо написать. Потом – была не была – пусть родная земля меня судит. В один день собрался.

– За прощением, говоришь, приехал, – тяжело произнес отец. – А я ведь знал, что ты жив. Матвей Глухов видел тебя в Москве года три назад, признал сразу. Детям говорить не стал. Пусть думают, что отец героически погиб. Ведь почти полдеревни с войны не вернулись. Уже стали и про тебя забывать. По праздникам иногда поминали. Не думал, что ты такой фортель выкинешь. Зря гроши на дорогу потратил...

А тут пьяный Тимофей совсем разошелся.

– Прошу на круг! – крикнул он и исполнил у печки очередное коленце. – Батя, батя, – язвил он, – для тебя, старого моремана, «Яблочко» заказываю.

– Ноги мои побереги, – пытался отшутиться Клыков.

– Побереги? – нарочито громко засмеялся Тимофей. И, схватив за руку жену, вытащил ее из-за стола.

– Валька, а где то зеркало, что всю жизнь ты хранишь?

И пошел на Степана:

– Ну, помнишь, батя, что на ярмарке ты у цыгана выторговал. Валька все берегла, мол, память об отце-герое.

Валя полезла на печь, и в наступившей тишине было слышно, как она перебирает тряпки.

– Вот оно, Тиша, – подала она зеркальный квадрат в деревянной раме.

– Гришка, дай мне снова «Цыганочку» с выходом, – попросил Тимофей и саданул что есть силы зеркало о пол.

Потом медленно пошел по комнате, подпевая в такт гармошке, все убыстряя движения, и стал дробить сапогами осколки. Тимофей не спускал глаз с бледного Степана и, когда гармонист начал выдавать свои коренные переборы, неожиданно остановился:

– Вот она, твоя память, батя!

Как рассказал потом мне отец, в ту же ночь Клыков, ни с кем не попрощавшись, ушел один пешком на железнодорожную станцию.

А я, взбудораженный воспоминаниями об этой истории, ворочался до рассвета. А через два дня, наконец, решился записать ее на бумаге. Свой первый рассказ назвал «Разбитое зеркало».

Сельский совет находился на главной улице деревни, рядом с клубом. Я робко постучал в дверь и тут же услышал хриловатый голос дяди Васи:

– Заходи, племяш, у меня всегда открыто. Это же сельсовет, а не кулацкая баня.

Какой смысл вкладывал дядя Вася в слово «кулацкая», я не догадывался, но сам он в тот момент был похож на типичного буржуа – за большим столом, покрытым зеленым сукном, пил из красного блюдца чай, подливая кипяток из такой же красной кружки. Еще на столе стояла полулитровая банка варенья из красной смородины и маленькая вазочка с сахаром.

То, что дядя Вася любит пролетарский цвет, знала вся наша родня. По большим праздникам он надевал атласную красную рубашку, и потому на улице его было видно за версту.

Василия Ефимовича Бруснецова в Макинке уважали не только за начальственную должность. Пацаном он попал в молох Гражданской войны. Воевал, разумеется, за красных. Был первым милиционером. Говорят, что в него даже стреляли из-за угла недобитые колчаковцы.

На фронтах Великой Отечественной дядя Вася тоже отличился. Вернулся с войны – вся грудь в орденах. Его избрали председателем сельсовета. Доверие земляков он оправдал – озеленил село, а в самом центре поставил скромный памятник бойцам, погибшим за Родину.

– Чай я тебе не предлагаю, – предупредил дядя Вася. – Давай сразу за дело.

И он положил на стол пухлую папку с пожелтевшими листочками.

– Вот, племяш, это и есть настоящая история нашего села. Я еще в прошлом году на эту тему книгу написал. Понятное дело, не писатель, но кое-что видел и знаю. На всякий случай отправил рукопись на рецензию местному литератору. Так тот раскритиковал меня, шельмец... Мол, в таком содержании печатать книгу нельзя, редактировать ее нет возможности – есть отдельные факты, но до литературного произведения еще далеко. Видимо, зависть одолела. Да Бог с ним. Давай лучше я зачитаю нужную тебе главу.

«Громкую читку» своей книги Василий Ефимович, судя по всему, устраивал не первый раз. Текст он произносил с вдохновением, в нужных местах делал многозначительные паузы, порой срывался на крик или переходил на интимный шепот. Словом, мой дядя обладал неплохими актерскими данными.

– Начну с самого драматического места, – предупредил Василий Ефимович. – Ведь на моих глазах колчаковцы расстреляли комбедовцев. Мне тогда было лет тринадцать. Тятка за день до этого отвез меня на наш стан, поручил охранять балаган и быков.

А около нашего отруба был небольшой перелесок, а за ним поляна, покрытая травой и рясно цветущими подснежниками. То и дело крикали утки, перелетающие из одного болотца в другой. Вот на этой девственной поляне каратели и облюбовали место для казни комбедовцев. Их выстроили в ряд, искалеченных, не способных сопротивляться. Не слезая с лошадей, метров с двадцати от обреченных, из восемнадцати винтовок по команде поручика Польшского был дан залп по комбедовцам. Мне из балагана было хорошо видно, как после залпа повалились мои земляки. Жигалко покачнулся, но не упал. А в это время высоко пролетели журавли, которые как бы оплакивали расстрелянных. Жигалко поднял голову, у него глаза заблестели, и он громко закричал: «Изверги, вам за нас отомстят!» И еще что-то хотел сказать, но его на полуслове свалили вторым залпом. Поручик слез с коня и передал поводья коневоду. Он вытащил из кобуры наган и выстрелил каждому расстрелянному в голову, а потом дал команду закопать мертвых в одной могиле. Приехавший с колчаковцами кулак Егор Сафранник ему бойко ответил: «Ваше благородие, все будет сделано лучшим образом. Это же мои кровные враги. Если бы вы не приехали, они бы забрали у меня все имущество. Собакам и собачья смерть!»

Офицер вскочил на коня, дал команду выстроиться по трое и отряд уехал в сторону Вознесенки...

– Ну что, впечатляет? – спросил после долгой паузы дядя Вася. – А представь, каково было мне в тот момент, чуть сознание не потерял. Вот такая, племяш, история. В нашей родне одни воевали за белых, другие – за красных. Брат против брата. За что убивали друг друга, до сих пор не пойму. А я ведь в партию на фронте вступил. А вопрос все равно мучит: что ж мы за коммунистическую идею столько народу покосили? Кому от этого стало легче? Матерям убиенных? Так они убийц прокляли. Зачем им такая справедливость, от которой одна беда? Мысли эти, конечно, крамольные, но никак не мог их прогнать от себя. А тут в моем взводе служил земляк из Казахстана Мурат Бисембаев. Он из Каркаралинска, это в Карагандинской области. Как-то весной, между боями, мы с ним всю ночь проговорили. И открыл он мне такую тайну. Оказывается, генерал Лавр Корнилов родом из Каркаралинска, а мать у него казашка. Это был лучший генерал в России, самый честный и грамотный. И если бы его не предали, то, возможно, Корнилов и возглавил бы российское государство. Представляешь, племяш, какая история! Вот бы правду всю узнать, да так, чтобы чекисты не пронюхали.

– А Мурат Бисембаев где сейчас?

– Погиб под Кенигсбергом. Настоящий солдат!

Дядя Вася тяжело вздохнул, посмотрел на часы:

– Давай, Федор, домой. Пора стадо встречать. Потом договорим.

Но, к сожалению, не случилось. Через полгода моего любимого дяди не стало. Сердце не выдержало...

Удивительно, но во ВГИК я поступил с первой попытки. Правда, с небольшой закавыкой. Полистав справочник для поступающих в вузы, собрал необходимые документы. К ним приложил короткое письмо – мол, я – сельский киномеханик, не мыслю свою жизнь без кино и готов верно служить советскому искусству. Не знаю, повлияли ли мои жалостливо-патетические строчки на последующие события, но неожиданно прибежала с весточкой моя соседка почтальон Вера Павлова:

– Федя, тебе телеграмма из Москвы. Что-то ты столице задолжал...

На серо-голубом бланке прочел несколько слов: «Срочно вышлите творческие работы. Приемная комиссия ВГИКа».

«Ну и балда!» – ругал себя я за то, что невнимательно прочел справочник. Но, с другой стороны, где взять эти творческие работы, если к той поре у меня за душой кроме рассказа «Разбитое зеркало» ничего не было.

Показал телеграмму маме.

Она расстроилась, засуетилась:

– Вот видишь, в Москве люди за нас волнуются. Некрасиво получается. Надо что-то делать. Про что бы, Федя, написать? У всех жизнь одинаковая. Все войну пережили, кое-как на ноги поднялись.

Мама села за стол и прикрыла ладонью глаза, а потом неожиданно заулыбалась:

– А давай, я тебе про себя расскажу. Еще то кино...

И со слов мамы я записал ее историю.

БЕЗ РАСПИСАНИЯ

Творческая работа абитуриента ВГИКа Федора Бруснецова

Шурка шла по мятому травокосу вдоль дороги и боязливо вглядывалась в белый туман. Из села она вышла час назад. Силантий Крылов постучал в ставню и прокричал громко: «Живой кто есть?» Шурка в то время сидела в саду и ела красную смородину, облизывая побуревшие от сока пальцы. Проворно выскочила в палисадник, ответила: «Тут я, случилось что?»

– Беги на станцию, – объяснил Силантий, – мать велела харч привести.

Мария Симонова уехала на железнодорожную станцию два дня назад. Ее муж, Савелий, должен был с военным эшелоном проезжать мимо. Собиралась загодя: все село знало, что мужика война пронесит мимо. Набила мешок снедью, взяла с собой мать Савелия – бабушку Нюрку. Как говорят – на случай поддержки. А Шурку оставили дом сторожить.

До станции было километров двадцать. Днем идти еще ничего, а вечером боязно. По дороге Шурка не пошла, а вдоль – метров десять от нее. Чужих мужиков боялась, да сказывали, что в лесах бродят дезертиры. От проходящей подводы хоронилась в кустах. А когда по небу разбежались звезды, помчалась по колее – все вернее.

На станции Шурка была уже раза три. В первый раз, когда брата Митьку в армию провожали, потом – мать в Москву на сельскохозяйственную выставку. А после – отца на фронт. Обнял он дочь, а глаза, как роднички, слезами переполнены.

– Вернись скоро, Шурок, – сказал отец, – мать письма писать заставляй.

Не ответила она ему ничего. Не успела. Дрогнула толпа людская, взбудораженная железнодорожным колоколом и женским плачем. Больше отца Шурка и не видела.

А тут письмо. Последние строчки, как праздник: «Проезжать буду, встречайте». Потому дневала и ночевала вся семья Симоновых уже третьи сутки на вокзале.

Шурка искала мать и бабушку долго. Да где там найти! Казалось, что все соседние деревни здесь собрались: небритые солдаты, спавшие на ходу, недовольные и злые мужики, встревоженные от ожидания бабы, верткие мальчишки, игравшие на маленьком пяточке в асыки.

– Добралась, слава Богу, – пробурчала бабка Нюрка.

– Спасибо, Шурок, – по-доброму сказала мать, – видно, ночью отец проезжать будет. Немного ждать осталось.

Ждали долго. Ночь, а потом еще день. Мать несколько раз ходила к начальнику вокзала, но найти его не смогла.

Бабка Нюрка хныкала:

– Неужто помру, сына-то не повидав...

– Да чего вы его заживо хороните, – злилась сноха, поглаживая дочь по голове. И чувствовала Шура в ее руках такую теплоту, которой она ее еще не одаривала.

Откуда прилетело известие, что состав не остановится, а пройдет мимо – так никто и не понял. Выскочили на без того переполненный перрон, стали искать свободный пятачок.

– Шурка, ты кричи посильней, – ласково уговаривала бабка, – голос у тебя звонкий.

Состав шел медленно. Сначала проплыли платформы с полуторками, потом пошли вагоны с солдатами, сменили их зачехленные танки. Шурка проглядела все глаза. Бабка Нюрка схватила ее за руку и потащила к проходящему составу.

– Смотри, Шура, смотри, может, остановится, – повторяла она и махала белым платком машинисту.

И Шура увидела. Отец стоял в переднем тамбуре на самом краю ступеньки. И казалось, что он вот-вот вывалится из стремительной круговерти человеческих лиц, черных от смазки колес, ржавых от дождей вагонов.

– Папка! Папка! – что есть силы закричала Шура и сама не услышала своего голоса. Шум толпы заглушил ход поезда, сделал его беззвучным.

– Папка! Вот я!

Савелий Симонов повернулся удачно. Он увидел дочь, что-то закричал, хотел бросить ей заготовленный треугольник письма, но не успел. Вокзал промелькнул быстро, словно и не было его. И в перестуках колес Савелий потом долго слышал голос дочери: «Папка! Вот я!».

Симоновы получили от него письмо. То самое, что не успел передать. Мать читала его вслух, а бабка Нюра сидела рядом и всхлипывала. В конце письма отец приписал карандашом: «Не Шурин бы голос, я вас бы и не увидел. Ждите с Победой!»

Это было последнее письмо рядового Симонова. Погиб он...

На почте, когда я подал Вере конверт с московским адресом, она почему-то засмеялась:

– А я боялась – вдруг не ответишь столице. Мало ли что? Может быть, вдохновение пропало. У меня рука легкая. Долетит письмо быстро.

И точно. Вскоре я получил телеграмму: «Вызываетесь во ВГИК для сдачи экзаменов». Я растерянно положил ее на стол.

Мама тихо сказала:

– Дождались...

ВГИК – ЭТО РИМ

Вот и Москва! Когда я впервые сошел на перрон Казанского вокзала, и представить себе не мог, что ждет впереди. Забросив за плечо рюкзак, взятый из-за отсутствия приличного чемодана напрокат у одноклассника Толи Смышляева, я сел в троллейбус, потом перебрался в метро, отмерил от станции положенную сотню метров, уперся в табличку «Всесоюзный государственный институт кинематографии».

– Тебе куда, турист? – остановил на вахте парень в модной ковбойке с красной повязкой на рукаве.

– В гору, – попытался отшутиться я.

– Вот и шуруй на второй этаж, там заседает приемная комиссия.

Приемная комиссия не заседала. Она вальяжно пила чай. Две девушки уже почти опустошили коробку с леденцами, запивая конфеты густым напитком.

– А-а-а, деревня прибыла, село Старая Макинка, – посмотрев мои бумаги, протянула одна из них. – Это я тебе отбивала телеграммы, на почту ходила, как на работу. Оставляй документы и беги в кабинет замдекана, там тебя мастера ждут.

– Какие мастера?

– Которым, Бруснецов, ты почему-то понравился. Говорят, что уж больно талантлив. Только не задирай нос. Вот, видишь пачку? – девушка громко постучала ладонью по горке скоросшивателей. – Все сплошь самородки, будущие лауреаты кинофестивалей. Тридцать человек на место набирается! И это на сценарном! Ужас какой-то...

– А как мужиков этих зовут?

– Каких мужиков?

– Ну, мастеров...

– Ну ты даешь! – еще больше возмутилась девица. – Это же твои будущие учителя. Если, конечно, сдашь экзамены. Запомни как «Отче наш» – Наталья Анатольевна Фокина и Кира Константиновна Парамонова.

– Заходи, не скромничай, – мельком взглянула из-под очков седая женщина, чем-то похожая на мою любимую крестную тетю Тасю.

– Откуда приехал?

Я представился по форме, как солдат-первогодок.

– Да ты не волнуйся. У тебя рюкзак к спине что ли прирос? Сбрасывай...

«Вот черт, – корил я себя. – На кой ляд взял рюкзак у Смышляева? Из-за него одни недоразумения. Лучше бы купил балетку в сельпо...»

– Давай знакомиться, – протянула руку женщина. – Кира Константиновна Парамонова. Заведующая кафедрой заочного отделения сценарно-киноведческого факультета ВГИКа.

– Федор Бруснецов. Киномеханик из Старой Макинки, – растерянно выдохнул я.

– Кинщик, значит, – засмеялась женщина. – И скажу тебе откровенно, это обстоятельство сыграло особую роль в твоём абитуриентстве. Поступали к нам пастухи, сторожа, кочегары. Люди, так сказать, свободных профессий. А кинщик первый раз прислал документы. Человек для нас родной по духу. Наш человек. И творческая работа у тебя неплохая. Кажется, про девчонку, которая встречала на военном вокзале отца. Есть в ней что-то настоящее. Сюжет сам придумал?

– Мать рассказала, – честно признался я.

– Здорово, хорошие сценаристы все у жизни подглядывают. Иначе не будет правды.

Я промолчал. Да и что мог добавить? Но совет моего будущего мастера постарался запомнить. Потом с Киной Константиновной – профессором, доктором искусствоведения, несмотря на разницу в возрасте, у меня сложились дружеские отношения. Я узнал, что она была непререкаемым авторитетом в сценарном деле. Три года таскал в рюкзаке, который мне подарил после поступления в институт Толька Смышляев, учебник под ее редакцией «От замысла к фильму».

– Общежитие тебе нужно? – спросила Парамонова. – Где остановился?

– На вокзале...

– С вокзала начинают все гении, но тебе рано. Вот направление в общежитие. ВГИК – это Рим, здесь много радостей и пороков. Мой совет: не ищи попутчиков, пока не сдашь экзамены. Еще хлебнешь лиха. Ни пуха, ни пера, – вручила мне бумаги Кира Константиновна.

Под расписку и клятвенные заверения я получил у кастелянши общежития комплект застиранного белья.

– Если потеряешь или нанесешь ущерб, заплатишь в трехкратном размере, – предупредила полная, не выспавшаяся женщина.

– Ущерб... Это как? – попытался уточнить я.

– Брось придуриваться, а то ты не знаешь. Дуй в 412-ю, пока там кто-то есть, – закончила разговор кастелянша.

Комната под номером 412 находилась в конце коридора на четвертом этаже. Рядом на стене висел телефон, по которому, видимо, уже битый час болтала девица в желтых брюках. Она сидела на полу, курила сигарету и весело пересказывала события минувшей ночи:

– Нет, Вертинской не было. И Видова тоже. Евстигнеев, молодец, принес три бутылки вина. Так мы его зацеловали.

Я робко постучал в дверь комнаты.

– Наши все дома, – услышал хриплый голос.

Его обладателем оказался парень в очках. Он сидел за столом и читал газету «Комсомольская правда». В углу на кровати, тяжело похрапывая, спал мужчина. Еще две кровати были свободны.

– Абитура? – не глядя на меня, спросил очкастый. – Ложись у окна, там дует, летом прохладно. А до зимы не дотянешь, все равно не поступишь.

– Почему не поступлю? – возмутился я.

– По кочану, – наконец поднял глаза незнакомец. – Из деревни, вижу. Все вы «смертники». Прете сюда и сами толком не знаете, куда и зачем. На этой кровати за неделю ты уже четвертый, уважаемый...

Я бросил на железную сетку свои скромные пожитки и выглянул в давно немытое окно, которое выходило в неухоженный двор какой-то организации.

– Ты не шуми, друга разбудишь, – предупредил парень. – Это Мишка Стоян с третьего курса. Ему жить негде, жена выгнала. Поспит и уйдет на занятия. В Москве, брат, все непросто. Звать-то как? Я – Виктор Божко.

Так я прописался во вгиковской общаге, которая, как известно, студенту, а особенно заочнику, и дом родной, и прибежище от всех невзгод и неурядиц. 412-я комната ко всему оказалась особенной. Во-первых, она считалась чуть ли не владелицей единственного на этаже телефона. На нем студенты «висели» день и ночь, целые спектакли разыгрывались за тонкой стеной нашей комнаты. Ребята плакали, смеялись, звонили в милицию, умоляли родителей прислать деньги на билет домой. С этими обстоятельствами еще можно было смириться, если бы каждый второй желающий воспользоваться услугами автомата не стучал в нашу комнату и не умолял дать две копейки или разменять десять. Опухшие от недосыпа, вконец озверевшие на всех, мы написали объявление на дверях нашей комнаты «За две копейки Родину не продаем!!!» Никто толком не понимал смысл объявления, но его энергетика сыграла свою роль. «Телефонные гангстеры» стали гораздо дисциплинированнее.

Ну а во-вторых, наша комната хотя и была «проходным двором», но именно это обстоятельство позволило мне, деревенскому пацану, ближе узнать мир кино и его обитателей. Кто только не засиживался за столом в 412-й за чашкой чая и рюмкой

водки – однокурсники, известные актеры, поэты, сценаристы, писатели. Словом, богема. И не только московского разлива, а со всех весей большой Родины.

После поступления во ВГИК я неожиданно быстро сдружился с тетей Полей, той самой толстой кастеляншей, первой поселившей меня в 412-ю. На сессии я привозил ей всегда из дома «джентельменский набор» – трехлитровую банку соленых груздей и литровую банку лесного земляничного варенья, которое, как она говорила, пробовала по большим праздникам. В знак благодарности она «придерживала» в 412-й две койки – для меня и моего закадычного друга Виктора Божко.

Конечно, я искренне завидовал очникам. Весь год они могли общаться со своими мастерами, советоваться с педагогами, а главное, бродить по московским театрам и модным кафе, спорить на равных с великими киномастерами, о которых я в Макинке читал в журнале «Советский экран». Но уже через год я стал постепенно входить в этот круг успешных и самобытных людей. Мы пили пиво в шашлычных, бражничали ночи напролет в общаге, до усталости говорили на семинарах. Именно тогда сделал для себя вывод: настоящий талант всегда прост и доступен.

Хорошо запомнил то летнее яркое утро. Разложив на подоконнике открытого окна конспекты и учебники, готовился к экзамену, напевая песню из кинофильма «Я шагаю по Москве».

В комнату заглянул парень в ковбойке.

– Простите, – обратился он подчеркнуто любезно, – не подскажите, кто сочинил текст исполняемого вами произведения?

– Подскажу, – продолжал я насвистывать мелодию. – Геннадий Шпаликов.

– О-о-о, тогда по адресу, – наигранно обрадовался парень. – Я и есть Шпаликов, тот самый поэт. Чего это вы на всю улицу без моего разрешения орете любимую народом песню. За нарушение авторских прав с вас пять рублей тридцать копеек.

И Геннадий, довольный розыгрышем, от души рассмеялся: «Неужели не узнал?»

Шпаликова я, конечно, узнал. Он не раз ночевал в нашей комнате, дружил с Витей Божко. Но в это утро Виктор еще затемно уехал на станцию разгружать вагоны, ему очень нужны были деньги. Потому мне ничего не оставалось, как поддержать не опохмелившуюся душу столичной звезды.

– А ты сам откуда будешь? – спросил Геннадий.

– Из Казахстана...

– Так мы жили почти рядом. Во время войны нас с мамой эвакуировали во Фрунзе. Помню, как вкусно пахли яблоки, сорт апорт, кажется. Пыльные, прожаренные солнцем улицы, толчею на базаре, где мальчишки с кувшинами торговали прохладной водой: «Две копейки кружка – подходи, Ванюшка!» А родился я в Сегеже, это в Карелии. Но после роддома там больше не был. Отец с войны не вернулся, меня, как сына погибшего офицера, отправили учиться в Киевское суворовское училище. Там, кстати, и стал пописывать заметки в газету, первые стихи. Потом комиссовали, на учениях ногу повредил. Ну а дальше ВГИК... Чего это я тебе все докладываю? Быть тебе большим начальником. Лучше давай стишок подарю, должок отработаю...

Он подошел к открытому окну и во весь голос обратился к улице:

Вот миную Даниловский рынок,
Захочу – возле рынка сойду,
Мимо крынок, корзин и картинок
У девчонки в капустном ряду

Я спрошу помидор на закуску,
Пошагаю по снегу к пивной
Это грустно, по-моему, вкусно,
Не мечтаю о жизни иной.

– Ну как? – подмигнул он мне и пожал руку. – Пора идти в народ...

Его привычный уличный маршрут знали все близкие. Сначала чтение на стендах свежих газет. Это отвлекало от мрачных мыслей. Потом ближайшее почтовое отделение, где были чернила, перья и телеграфные бланки. На их обороте он писал стихи. Далее – закусочная, стакан портвейна и конфетка «Буревестник». Ну а потом как повезет.

Москву студент-первокурсник сценарного факультета ВГИКа завоевал быстро. Слава о его таланте не была пустым звуком. Петр Тодоровский дал ему прозвище Генацваликов. И друзей у него было действительно много, талантливых, успешных – сценаристы Павел Финн и будущая жена Шпаликова Наташа Рязанцева, операторы Княжевский и Ильенко, режиссеры Файт и Митта. Иногда к компании присоединялись Николай Губенко, Никита Михалков, Белла Ахмадулина, Андрей Тарковский. Еще студентом его пригласил в соавторы фильма «Застава Ильича» Марлен Хуциев. После окончания съемок картина была признана «идеологически вредной». Не понравилась она и Хрущеву. В Кремле состоялась встреча с деятелями советского искусства, на которой фильм был подвергнут разнузданной критике. Марлен Хуциев пытался переломить ситуацию, пообещав устранить ошибки. Зал неодобрительно зашумел. И тогда на трибуну вышел 25-летний Шпаликов. Он заявил, что придет время, когда кинематографисты будут пользоваться в стране такой же славой, как герои-космонавты. Он уверен, что имеет право на ошибку, и просил не судить его строго. Чиновники еще громче зашикали на молодого сценариста. На трибуну вновь поднялся растерянный Хуциев. Он сказал, что его коллега очень взволнован, у него три часа назад родилась дочь, потому не следует его судить строго. И даже это обстоятельство не спасло талантливую работу – нещадно порезанная цензурой, почти три года она пролежала на полке.

Но запрет не сломил Шпаликова, он не боялся чиновников и сотрудников КГБ, в компаниях смеялся над ними. Как-то в ресторане «Арагви» Богомоллов и Тарковский обмывали только что законченную картину «Иваново детство». Неожиданно Шпаликов попросил заказать ему макароны. Тарковский хмыкнул, он хорошо знал способности Геннадия разыгрывать публику. Поскольку в элитном «Арагви» не было макарон, Богомоллов послал за ними официанта в ближайший магазин. Принесли, сварили, подали на стол. Шпаликов встал и сосредоточенно стал за-талкивать макароны между прутьев решеток на стене. «Знаете, – объяснил он всем, – техника часто отказывает, и туда сажают живых сотрудников, а о них тоже надо заботиться...»

Конечно, в этот момент он был пьян. Что с ним случалось все чаще и чаще. Мною очень уважаемый Анатолий Борисович Гребнев как-то вспоминал: «Уж Генку-то и любили, и баловали, и заботились о нем все сообща, когда стало совсем худо. На моих глазах его родительски опекала чета Урусевских – Сергей Павлович и Белла Мироновна, с которыми он делал фильм о Есенине; до этого – Лариса Шепитько, они делали вместе сценарий “Ты и я”; потом супруги Швейцеры, пригласившие Гену делать с ними картину о Маяковском. Добрый, прелестный Гена сумел внушить к себе уважение именно в том качестве, в каком пребывал – с внезапными исчезновениями и появлениями, фантастическим враньем, одалживанием денег и всем прочим – никому другому этого не простили бы, а с ним носились».

Было и еще одно обстоятельство, которое не раз спасало талантливого Шпаликова. Он мог гулять со всеми днями, не расставаясь, но когда все ложились спать, Геннадий ухитрялся написать за ночь страниц десять сценария.

На замечания друзей Гена реагировал обычно болезненно.

– Вот я – алкоголик-профессионал, – заявил он однажды в компании. – Витя Некрасов – тоже, есть еще люди, а остальные писатели профессиональные, а главный среди них – Евтуженька. В СССР нет выбора вне выбора. Или подличаешь, или тебя не печатают. Третьего не дано.

Он продолжал пить. «Примешь с утра – и весь день свободен» – его любимый афоризм. Распалась одна семья, вторая. 1 сентября 1974 года – последний день Геннадия Шпаликова. Утром он отправился на Новодевичье кладбище, где открывалась мемориальная доска на могиле Михаила Ромма. Геннадий пытался выступить на митинге, но к микрофону его не подпустили. С кладбища Шпаликов ушел вместе с Григорием Гориним, который занял ему мелочь на бутылку дешевого вина. Вместе они отправились и в Переделкино. Там Геннадий поднялся на второй этаж одной из дач и повесился, соорудив петлю из собственного шарфа.

Вместо завещания он оставил стихи:

...Все прощение – в одиночку,
Напоследок – не верещать.
Завещаю вам только дочку –
Больше нечего завещать.

А на его памятнике на Ваганьковском кладбище выбиты строки:

Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут...

Не спалось... За окном нудил дождь. Я слышал, как ворочается и кричит в кровати Божко. Так было всегда после долгих пирушек в нашей комнате. Веселье и лихое настроение гости уносили с собой, оставив нам с Виктором непонятную тоску и гору окурков на столе. А еще – в углу солидную батарею пустых бутылок, которую мы называли хрусталем и утром обычно сдавали в ближайший пивной киоск.

– Федя, ты не спишь? – подал голос Божко и сел на кровать.

– Уснешь тут – накурили так, хоть топор вешай...

– А меня совесть мучает, – глухо протянул Виктор. – Ты мне скажи, почему мы с тобой пьем? Только честно. Конечно, пить не каждый день, но частенько. А потом клянем проклятуший стакан.

– Черт его знает, отчего мы пьем. От дури, наверное, – положил я руки за голову. – Так не мы одни. У нас вся деревня самогон варит. Свадьбы неделями гуляют. Мы, пацаны, вкус браги сызмальства пробуем. А что? На свадьбе, как закон, стоит в сенях тридцатилитровая фляга с этой гадостью. У нас брагу почему-то пивом называют. Подходи, черпай ковшом сколько хочешь, поправляй больную голову.

– А я считаю, что пьет народ от бедности. А куда ему деваться? Выхода другого нет. Вот возьми мою семью, нас у родителей четверо. Жили как голь перекатная, чуть от голода не умерли. Батя зашибал крепко. Когда трезвый, милее нет человека. Руки у него были золотые, и голова – дом советов. Слыл хорошим специалистом по сепараторам. Раньше почти во всех деревнях работали пункты по переработке молока. Но если батя напьется, тут прятаться надо всем. Любил он подшофе прав-

ду искать. До полной победы выяснял отношения с начальством. Ну кто такого правдолюбца будет держать на работе? После очередного скандала его с треском увольняли. А мы собирались в дорогу, долго ли голому подпоясаться? Перебирались в другую деревню, где батя устраивался сепараторщиком. До первой пьянки...

– А у меня отец – трезвенник. В рот не берет. Как он умудрился так сохраниться в наше сивушное время, ума не приложу. А вот дед пил крепко. Он – фронтовик, вся грудь в орденах. Но обедать без рюмки водки не садился. Если что, кулаком по столу – мол, за что я, мать вашу, кровь на войне проливал! Где мои боевые сто грамм! Бабка пулей летела в чулан, там у нее провизия хранилась. Вся дрожит, знает, что рюмкой дело не кончится. Несла припасенный шкалик. Дед обычно добрел, сбавлял обороты и начинал неспешно откупоривать бутылку. А бабушку мы все жалели. Да и у большинства деревенских женщин жизнь – не мед. Село – это поденщина. Все соки из молодых красавиц к тридцати годам ярмо вытягивает. И становятся они старухами, а кто-то и умом трогается. Больно до слез...

Дождь по-прежнему дробил окно. На улице у фонарного столба скулила собака.

– Федя! – снова позвал меня Божко. – А у меня идея.

– Какая? Бросить есть?

– Чего смеешься? – обиделся Виктор. – Завтра на какие шиши жрать будем? Невольно бросишь. А идея такая. У меня в «Комсомолке» приятель работает. Он наш сценарный закончил. Да ты его знаешь – Эдик Соболев, способный парень. Он в газете еще студентом подрабатывал. Обещал познакомить с начальством. Может быть, в командировку пошлют, гонорар зашибем.

– Надежды юношей питают, – вздохнул я.

Ровно в десять часов утра мы были с Божко у пропускного бюро «Комсомолки». Соболев опоздал минут на десять.

– Привет, коллеги, – поздоровался Эдик. – Что? Хрусталь кончился, кушать захотелось? Знакомая ситуация. Мне газета не дала помереть. Я обычно в трудные времена являлся в редакцию и говорил всем, с кем подружился, что сегодня он меня кормит. А мне отвечали: мол, напиши заметку, заработай десятку и жри сколько влезет.

Пока мы поднимались на шестой этаж редакции и шли гуськом за Эдиком по длинному коридору «Комсомолки», он продолжал свой нескончаемый монолог:

– Вгиковская общага – это что-то! Я помню, как на пятом этаже в комнате на четверых Валя Теличкина три ночи подряд руками шила себе платье для премьеры своего первого фильма «Журналист». А Витя Каневский, ты его, Божко, знаешь, рано утром оббегал все комнаты, стрелял в каждой по пять копеек, а потом шел в «Арагви» есть хаши. А Мишка Богин, получив Гран-при Московского кинофестиваля, тащился с ним пешком через всю столицу в общагу на Яузе, потому что у него не было денег на метро. Вот было веселое время...

Эдик резко остановился, причесал ладонью чуб и, постучав в дверь кабинета с табличкой «Редактор отдела», громко произнес на пороге:

– Вячеслав Павлович, я обещал вас познакомить с будущим советского кинематографа.

И, кивнув на нас с Божко, покинул кабинет.

Как нам показалось, Вячеслав Павлович от неожиданного появления будущих звезд кино даже растерялся. Судя по всему, он ни о чем и не просил Соболева. Но заведующий отделом не подал виду и предложил нам присесть, предупредив, что через пять минут ему бежать на совещание к главному редактору.

Мы суетливо и бестолково изложили нашу просьбу.

– Куда же вас послать? – задумался заведующий и, посмотрев на Божко, спросил: – А ты откуда будешь?

– Из Ростова, – ответил Виктор.

Вячеслав Павлович снова сделал паузу, перелистнул настольный календарь и, найдя нужную запись, сказал уже мне:

– Вы Шолохова читали?

– А как же! «Тихий Дон»... – с энтузиазмом начал я.

– Все, дальше не надо, – перебил меня заведующий. – Через неделю у нашего классика день рождения. По моим данным, он будет его праздновать в Ростове. Попробуйте с ним встретиться. Если не удастся поговорить подробно с Михаилом Александровичем, возьмите хотя бы у него автограф с пожеланиями нашим читателям. Все ясно? Оформляйте командировку.

– Есть! – в один голос отрапортовали мы и понеслись в бухгалтерию.

До Ростова мы добрались поездом в купейном вагоне. Утром Божко повел меня в областную газету «Молот», в которой он когда-то работал.

– Чайку поьем и узнаем точно, где сейчас Шолохов, – коротко объяснил он.

В голосе друга я услышал знакомые нотки азартного игрока перед решающим ходом. Журналисты «Молота» были радушны. Они рассказали, что классик остановился на третьем этаже гостиницы «Московская», что напротив обкома партии. И, скорее всего, после ночной гулянки Шолохов и его свита вот-вот отправятся на рыбалку.

Пулей мы полетели в «Московскую». По дороге Божко изложил свой план:

– Ты поднимаешься на третий этаж и просишь Михаила Алексеевича дать интервью. Уверен, что тебя к нему не подпустит обкомовская челядь. Не унывай, быстро спускайся на первый. Здесь мы вместе его и окружим. Думаю, уломаем хотя бы дать нам автограф. Приготовь ручку и бланк «Комсомолки», – он строго посмотрел на меня.

Ждать Шолохова пришлось недолго. Писатель вышел из номера в пальто и шляпе в окружении лебезящих чиновников. Я пошел ему навстречу и представился. Классик скривился, сделал жест и меня тут же оттеснили. По запасному выходу я, как инструктировал Божко, помчался на первый этаж. И на секунду опоздал. Виктор уже просил Михаила Александровича дать автограф. Чинуши пытались его тоже оттолкнуть, но Шолохов сказал: «Не трогайте». Он отвел Виктора в сторону и что-то сказал на ухо. И тут же скрылся за дверь. А Божко посмотрел на меня и рассмеялся: «Ну что? Заработали?»

– Что он тебе сказал? – растерялся я.

– Классик был краток. Он произнес два слова – пошел на хер! – весело заключил Божко.

– Тут и лекции конец, кто слушал, тот молодец, – закончила семинар наш куратор Кира Константиновна Парамонова и внимательно посмотрела на меня. – Бруснецов, у тебя со здоровьем все нормально?

– Не жалуюсь.

– Деканат на тебя жалуется. Ты единственный, кто до сих пор не определил тему дипломного проекта.

Я ожидал этого разговора и оттягивал его, как мог. Битый месяц мучился над, как мне казалось, неразрешимой проблемой. Правда, напряженный мозговой штурм прерывался непредвиденными событиями. Божко, закончивший год назад институт,

после долгих мытарств наконец получил аванс в размере 800 рублей за сценарий короткометражки. Половину суммы он отослал родителям, а на остальные деньги снял квартиру в Черемушках. Новоселье праздновали два дня. Но именно в один из них, когда утром я мыл посуду на маленькой кухне божковской квартиры, меня осенила мысль: а не написать ли сценарий на тему Гражданской войны? Я вспомнил наш давний разговор в сельсовете с моим дядей Василием Ефимовичем, его рассказ о расстреле белогвардейцами макинских комбедовцев.

Но даже не эта история особенно запала мне в душу, а его воспоминания об однополчанине из Каркаралинска, который до конца дней хранил память о своем знаменито-опальном земляке, честном и неподкупном генерале Лавре Корнилове.

Не вдаваясь в подробности, я поделился идеей с Божко. Он рассмеялся: «Тебе что, Шолохова мало? Ты же из Казахстана, напиши что-нибудь про целинников».

Я понимал, что модную тему мой друг предложил с кондачка, больше для того, чтобы я не зациклился на истории белого генерала. Но было уже поздно. И хотя я практически ничего не знал о Лавре Корнилове, мне его судьба становилась все ближе и ближе. Ведь не случись Октябрьской революции, вместо Ленина российское государство мог возглавить Корнилов. Понимая крамольность такой мысли, я стал даже оглядываться. А вдруг ее кто-то подслушает.

– Федор, так ты определился с темой? – вернула меня в аудиторию Кира Константиновна.

– В принципе, да, – начал выкручиваться я.

– Запомни две важные вещи, – посоветовала мне заведующая кафедрой. – Твоя история должна обладать энергией. И еще. В центре ее должен быть герой, который преодолевает трудности и добивается цели.

Я помолчал и робко предложил:

– А можно, я возьму тему Гражданской войны?

Кира Константиновна вздохнула:

– Гражданская так гражданская. Хозяин – барин. – И, внимательно посмотрев на меня, покачала головой: – Чует мое сердце, Бруснецов, что задумал ты что-то неладное.

Мудрым человеком была наша любимая Кира Константиновна.

Вынашивая «преступный» замысел, я решил поделиться тайными мыслями с корифеями кино. И в ближайшее воскресенье отправился в подмосковный Дом отдыха сценаристов «Большово», напоминавший мне своеобразный колхоз кинодраматургов. Здесь все было некогда расписано от «а» до «я» неизвестным талантливым организатором досуга для неординарных людей. Сочинить правила совместного проживания гениев дано, безусловно, не каждому. «Большово» слыл примером удачного проекта.

Домики-коттеджи были распределены между самыми известными кинодеятелями. В красном в то время обычно останавливались Алов, Наумов и Зорин. Втроем они писали сценарий фильма «Закон», который был поставлен через двадцать лет.

В желтом жили Донские – Марк Семенович с женой Ириной. К ним «прибивался» Галич. Долгое время они работали над сценарием кинокартины «Шаляпин».

Зеленый коттедж занимали Гребнев и Хуциев.

В основном корпусе квадратура жилой площади была тоже расписана. В одном крыле творил Райзман, в другом – Юткевич. Живые классики гуляли по дорожкам сада. Делились друг с другом последними новостями. На веранде в торце главного

корпуса обычно сидел Утесов, иногда здесь появлялись с иголки одетый Райкин, веселый Крючков, неунывающий Урусевский. Что притягивало столь разных людей в «Большово», где из удобств был общий душ и один на всех телефон, сказать сложно. Скорее всего, общение. Вечером в комнатах было шумно, классики резались в карты, Галич брэнчал на гитаре, гости привозили спиртное и домашние пироги. С Виктором Божко мы были не раз в этих компаниях, и здесь нас считали за своих. Помню, как Василий Шукшин отодвинул предложенный стакан вина: «Я бросил пить, потому что утром стыдно». Как выяснилось, он не любил три вещи – колхозы, чекистов и Максима Горького.

– Это он, сука, внушил Сталину, что крестьянство – слепая стихия, которую нужно укрощать, – горячился Василий Макарович.

В нем буквально клокотала обида на вождя и чекистов. Семья Шукшина жила без отца, расстрелянного в 1937 году.

– Бывало, выйдешь к колодцу, а тебе кричит вся деревня: «У-у, вражина!» Ни милосердия, ни сочувствия...

Не знаю почему, но более всего я прислушивался в этих долгих спорах к мнению Анатолия Гребнева, автора моего любимого фильма «Июльский дождь». Сценаристом он стал по случаю, на четвертом десятке лет, будучи отцом двоих детей. Тогда Гребнев работал в газете и особого интереса к кино не питал. А дело было так. Шел он с другом, будущим писателем Федором Колунцевым, по Разгуляю, рассуждали на вечную тему, где добыть деньги. Колунцев к той поре закончил сценарную студию и считал это ремесло золотым дном. Что может быть проще, объяснил он другу, пишешь заявку на 5-6 страниц текста, получаешь за них аванс, потом месяц-два пишешь сценарий, а если он не пройдет, аванс остается за тобой. И друзья решили встретиться через неделю, когда каждый сочинит свою историю. Гребнев сочинил, а Колунцев нет. Спустя несколько лет по этому сценарию режиссер Юрий Карасик поставил фильм «Ждите писем», получивший одобрение критики. Тогда-то Гребнев бросил газету и занялся сценарным делом.

Мне повезло: Анатолий Борисович вышел из коттеджа прогуляться по дорожке сада, где я и рассказал ему о своих проблемах.

Гребнев не удивился, только пожал плечами:

– Кино – это рыбалка, тут как повезет. Да и потом – о сценарии, как о покойнике. Хорошее или ничего! Ставят один раз! Любитель может позволить себе писать по настроению. Профессионал пишет всегда, в любую погоду. Любитель берет то, что ему близко. А у профессионала нет выбора. Он должен уметь все. Но как можно работать над чем-то, что заведомо не проходит, или писать некую историю наобум, экспромтом, не зная конца? Это выглядит блажью и дилетантством. Тебе решать самому.

– Ну ты даешь! – посмотрел на меня как на чумного Василий Макарович Шукшин. – Я столько лет не могу фильм о Разине поставить! О герое народном! А ты хочешь сделать картину про белогвардейскую контру. Мне в Госкино зарубили сценарий со словами: мол, не позволим показывать русский бунт! Какой-то немецкий продюсер предложил выгодный контракт, но для этого из двух серий нужно было сделать три. Я проклял все, но работал, не останавливался. Нас как во ВГИКе учили: пять сценариев – в стол, шестой пробьет себе дорогу. Но поезд ушел... Здесь, брат, характер нужен. Выдюжишь, не сломаешься, может быть, и получится.

Вот с такими наставлениями я вернулся в родную Макинку, чтобы начать работу над сценарием о легендарном генерале Лавре Корнилове.

БЕЛЫЙ ВОРОН

Все преддипломное лето я провел в Старой Макинке. Палило солнце, редкие дожди, казалось, не доходили до земли, растворялись в раскаленном воздухе. Отец пропадал на сенокосе, часто оставался ночевать в бригаде. Мать вела дом, варила варенье, солила в небольших деревянных бочках огурцы и помидоры, закатывала салаты в банки.

На закате село оживало. Мычали коровы, звенели колодезные цепи, хозяйки готовились к дойке. К девяти вечера обычно возвращалась с работы моя соседка и одноклассница Вера Павлова. Она по-прежнему трудилась на почте, но уже выбилась в начальство – стала заведовать отделением. Ее отец, фронтовик и совхозный почтарь Виктор Афанасьевич, после ухода на пенсию занедужил без привычного дела. Пытался сбить тоску огородными заботами, но сломался на солнцепеке и совсем захворал. Болел он всю зиму, Вера не отходила от отца, просила меня привести из Москвы дефицитные лекарства, но и они не помогли. Скончался удалой фронтовик ранней весной, когда еще не начала рябеть земля.

Так Вера осталась одна, мать ушла лет за пять до смерти отца. Наши отношения по-прежнему оставались неопределенными. При встрече Вера все больше молчала. Молчал и я, не зная, как утешить девушку. Пытался несколько раз ее приобнять. Вера поднимала голову и смотрела на меня с укором. Мы допоздна засиживались на нашем огороде, где я соорудил топчан, слушали музыку и новости, меняя волну на привезенной мною из Москвы «Спидоле». Ровно в полночь в Вере словно срабатывал внутренний таймер. Она соскакивала с топчана и, махнув мне рукой, произносила привычную фразу: «Пока, кинщик»...

Ночной огород – особая планета. Запахи укропа и петрушки, мятых листьев черной смородины, набирающих сок яблок, стрекот кузнечиков, тоскливый голос кукушки и глубокое небо с россыпью звезд кружили голову и уносили в другие галактики. О разном думалось и мечталось в эти часы. Но все чаще я искал на небосклоне звезду, которую назвал для себя именем Лавра Корнилова. Мне казалось, что ее неяркий свет поможет найти дорогу к разгадке тайны: почему великий человек и полководец стал в России врагом народа?..

Наконец, я решился – завтра уезжаю в Каркаралинск! В маленький городок, где родился и провел детство Лавр Корнилов. О бывшей казачьей станице, а ныне районном центре в Карагандинской области я знал уже немало. После заключительной сессии в институте почти на месяц задержался в Москве. Все дни провел в Ленинской библиотеке, пытаюсь найти материалы о знаменитом белом генерале. Чтобы мне разрешили работать с документами о Гражданской войне, пришлось сочинить бумагу от имени декана, где сообщалось, что я тружусь над сценарием о славных героях-большевиках. О каких именно, в письме указано не было. Но бдительные библиотечарши, заполняя формуляры, на всякий случай громко переспрашивали: «Вас кто интересуется? Щорс или Чапаев?»

«И они тоже», – привычно отвечал я и заказывал литературу, далекую от легендарных красных полководцев. Мне казалось, что подозрительные служительницы книжного фонда догадывались о моих истинных намерениях. В знак благодарности я пару раз преподносил им скромные букеты полевых цветов. Но когда не осталось денег даже на копеечные ливерные пирожки, продал почти новые туфли и купил на вырученные деньги билеты на поезд.

Месяц в библиотечной Москве мне дал немало. Я с жадностью искал детали, факты, истории, которые на первый взгляд, может быть, не раскрывали характер главного героя, но создавали точную атмосферу того времени.

Итак, Каркаралинск. И далее я все записал протокольным стилем.

8 апреля 1824 года был основан Каркаралинский округ и заложена крепость. Через три года она преобразована в казачью станицу. В 1868 году Каркаралинск стал уездным центром. Дважды здесь был Чокан Валиханов, он оставил описание живописных мест. Поразил Каркаралинск известного путешественника Семенова-Тяньшанского, его коллегу Потанина. Писатель Михаил Пришвин услышал здесь легенду о Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Отец великого Абая построил в Каркаралинске красивую мечеть. А собиратель казахского фольклора А. В. Затаевич записал в заповедных местах 154 народные казахские песни.

Но особенно Каркаралинск стал известен в России, когда в памятных местах развернулась Кояндинская ярмарка, основанная купцом Варнавой Ботовым на берегах реки Талды. Это была крупнейшая ярмарка в Азии и Сибири. Я зримо представил, как к месту окажутся в фильме кадры, рассказывающие о ней. Ведь только в таких краях мог родиться маленький Лавр Корнилов. Представьте масштабы события, которое весь год ждали скотоводы, купцы, мануфактурщики... Эквивалентом в меновой торговле был двухгодовалый баран. За него давали два рубля серебром. К 1900 году на Кояндинской ярмарке действовали 30 магазинов, 276 лавок и 707 юрт. Все они размещались в четыре ряда. В центре торговали российские купцы мануфактурой, чаем, другими продуктами. В соседних рядах казахи из Средней Азии, китайцы торговали шелками, коврами, восточными сладостями, хлебом и кумысом. Но главным товаром всегда оставался скот. Ежегодно выставлялось на продажу 200 тысяч лошадей, коров, овец, коз.

Была на ярмарке и культурная программа – различные представления, айтысы, соревнования по национальной борьбе, цирковые номера.

Действовал «чиновничий квартал». Здесь исправно работала почтово-телеграфная кантора, отделение государственного банка, суд, сдавались в аренду жилые помещения. Для мусульман открыл двери магометанский молитвенный дом, для христиан – небольшая часовня.

«Был ли на ярмарке с родителями маленький Лавр?» – спрашивал я себя. «Конечно, был, и не раз!» – отвечал сам себе.

Автобус «чихнул» и растворился в клубах пыли.

– Перерыв пять минут. Мальчики – налево, девочки – направо. Прощу не затягивать, – дежурно пробубнил водитель.

Повторять команду не пришлось. Женщины быстро «замаскировались» в придорожных кустах караганняка, мужчины без тени стеснения справили нужду сразу за рейдером.

– До Каркаралинска еще далеко? – спросил я у шофера.

Тот махнул рукой: «Вон видишь сопки, от них еще километров сорок, уже почти дома. В гости или в командировку?»

– Да как сказать, – пожал я плечами. – С одним человеком нужно встретиться. Бисембаевых знаете?

– Знаю, – разговорился шофер. – Тебе повезло, их дом рядом с автостанцией. Хозяина, Серика, вчера на базаре видел, он там по утрам кумысом торгует. Я его Серго зову.

В комнате пахло вареной кониной, кумысом и дымком кизяка, который проникал в открытое окно от костра во дворе. Мы сидели на мягкой кошме за круглым столом и вели неспешный разговор. Марьям, хозяйка дома, наполняла пиалу за пиалой терпким чаем с молоком. И казалось, этому ритуалу не будет конца, как и нашей беседе.

Сошлись мы сразу, как только на пороге назвал свою фамилию и причину приезда. Я достал из чемоданчика главу из рукописи дяди Васи и несколько фотографий его боевого друга Мурата Бисембаева. Они сфотографировались вместе в фотоателье небольшого городка на подступах к Кенигсбергу, в боях за который и погиб каркаралинский воин. Он не успел послать снимки домой. Дядя Вася их пронесил в своем вещмешке до конца войны.

– Ата! Ата! – поцеловал фотографию сын и зарыдал.

Он убежал в другую комнату, потом вернулся и сказал тихо что-то на казахском языке.

Вскоре дом загудел, как улей. Пришли солидные аксакалы, соседи, родственники, дети. Все рассаживались на кошму и с интересом смотрели на меня – чем же еще удивит гость? Эта ситуация мне напомнила моих земляков перед началом фильма. Я даже растерялся. В клубе все проще – включил кинопроектор и гони кино. А тут как быть?

Помог мне Серик, увидев в моих руках общую тетрадь.

– А это что? – спросил он.

И тут я понял, что ждали от меня мои новые знакомые. Рассказа об отце, брате, дедушке, дяде, земляке. Все ждали воспоминаний о герое войны Мурате Бисембаеве. И тогда я открыл тетрадь и прочел первые строки рукописи. Старался произносить текст с выражением, делая паузы. И вскоре сам не заметил, как превратился в соучастника описанных моим боевым дядей событий.

Читал я больше часа, а может быть, и дольше. Было тихо, как на киносеансе. Только позвякивал колокольчик на шее недавно родившегося козленка. Он бегал по двору, пытаясь найти себе занятие.

Гости разошлись далеко за полночь. В комнате мы остались вдвоем с Сериком.

– Ты мне теперь за брата, – сказал он тихо. – Поживи у нас хотя бы неделю. Места в Каркаралинке, как в раю. На рыбалку съездим, кумыса вдоволь попьешь. Ты же знаешь, какой он полезный для здоровья.

– Мне нужна твоя помощь, – огорошил я собеседника.

Серик не растерялся:

– Обязательно помогу, мы же теперь родственники.

И я все рассказал ему о настоящей цели моего приезда.

Серик замолчал. Налил себе пиалу чая и медленно выпил ее.

– За непростое ты дело взялся, – наконец продолжил он разговор. – О генерале Корнилове у нас знают многие. И дом, где он жил, сохранился. Там сейчас музей. Вот только кто тебе не побойится рассказать правду про врага советской власти?

– Ну коль так...

– Не спеши, – взял меня за руку Серик. – Завтра я тебя познакомлю с дядей Казбеком. Он знал Корниловых. И где, ты думаешь, мы с ним встретимся? В доме, где жил маленький Лавр!

– Ну ты даешь! – с восхищением я посмотрел на своего недавно обретенного брата.

Как только в комнату просочился через плотные занавески малиновый луч раннего утра, я вышел во двор. Хозяева уже давно встали. Серик выгнал скотину и ушел на базар торговать кумысом. Его жена поставила на стол под навесом в одинаковых блюдечках масло и густую сметану, сахарницу, поломала на четыре части свежую лепешку и громко пригласила меня: «Без хорошего чая не будет удачи!»

С удовольствием выпил три пиалы. Хозяйка ушла полоть грядки, а я разложил на столе свои бумаги. Нашел записи, сделанные в московской библиотеке. Сейчас меня особенно интересовали материалы исследователя Усова о быте сибирских казаков. Ведь через час-другой я окажусь в доме Корниловых. Совпадет ли прошлое с настоящим?

«Потолки и стены казаки белят глиной, полы каждую субботу моют, скоблят и покрывают половиками, – писал исследователь. – Печи в комнате голандские. Убранство одно. В углу против входа образа. Более зажиточные имеют перед образом лампадку с деревянным маслом, а на угловом столике псалтырь в кожаном переплете. В простенке два-три стола, покрытые скатертью, у стен стулья, а в углу диван с ситцевой обивкой. Одно или два небольших зеркала, обвешанных полотенцами. Несколько общеизвестных лубочных картин военного содержания. Но неизменными атрибутами убранства в чистой половине составляют, во-первых, семейная кровать со взбитыми подушками и одеялами, сшитыми из разноцветных лоскутов, во-вторых, шкаф-комод с посудой, и в-третьих, красиво сбитые белой жестью сундуки с имуществом. В кухне чуть ли не половину занимает широкая русская печь. Рядом с печью, под потолком, полати. Кругом стен широкие лавки. В заднем углу умывальник. За печью хранятся ухват, сковородки и лопата. Большая часть семьи спит на кухне: на печке, на полатях, на лавках и на полу. Станичные жители ложатся спать рано, а встают в 5 утра. В средне зажиточных семьях утром и вечером пили чай без сахара, так как он стоил дорого (11-16 рублей за пуд), с пшеничными калачами. Сахар заменяли медом или изюмом. В воскресенье к чаю готовили горячие шаньги. Обедали казаки в 11 часов утра, а ужинали зимой в шесть, а летом в восемь вечера. В постные дни на обед подавали щи из капусты или с ячневой крупой, горох, рыбу, кислую капусту, квас с редькой, кашу и картофель с конопляным маслом. В скоромные дни пища была побогаче – щи и картофельная похлебка с приправами, просяная и ячневая каши на молоке, картошка, облитая яйцом, молоко и творог. По праздникам готовили мясной или рыбный студень, щи с говядиной или бараниной, жареную говядину и баранину, жаркое из кур, гусей, уток, пироги с рыбой, паштет с курицей, блины и оладьи. Распространенным кушаньем были пельмени, которые заготавливали в каждом доме на Рождество и святки целыми тысячами для гостей и «сберегали» замороженными в снях и чуланах. Казаки любили выпить. Водка и вино употреблялось станичниками часто и в больших количествах. Ходят из дома в дом, напиваясь до бесчувствия. Женщины пьют вино или наливку, не отставая от мужиков...»

Неплохо жили наши предки, весело и сытно, подумал я, складывая бумаги в особую папку, где хранил материалы о быте казаков. Для художника будущего фильма они будут просто бесценными.

Идем с Сериком по центральной улице Каркаралинска. Вот и дом Корнилова – из красного кирпича, с широким деревянным крыльцом, украшенным искусным плотником узорами из толстой фанеры. Приметный дом, ухоженный.

– Здесь сейчас музей боевой славы, – пояснил Серик. – Недавно организовали, только начали собирать экспонаты.

В большой комнате за массивным столом восседал бодрый старичок с редкой бородкой. Рядом – парень в очках. Половина бывшей казачьей горницы была заставлена различной атрибутикой – переходящими красными знаменами, горнами и барабанами. В углу на канцелярском столике красовался, надо думать, главный экспонат музея – станковый пулемет «максим». «Интересно, в кого из него стреляли? В красных или в белых?» – подумал я.

А дядя Казбек оказался замечательным мужиком. Общительным, веселым. Этаким казахским балагуром Алдаром Косе. Только в пенсионном возрасте. Я даже пожалел, что далек аксакал от лицедейства. Все годы работал, как он сам сказал, на ответственных местах. Начиная бригадиром, потом возглавлял заготконтору, далее райисполком и райком, а перед пенсией заведовал баней. Но на завалинке не засиживался, неожиданно для всех ударился в религию и стал муллой на общественных началах. Читал молитвы на похоронах, разумеется, тайно и не бесплатно.

– А это Ерлан, – представил дядя Казбек парня в очках. – Наш краевед, в газетах печатается. У него не голова, а библиотека. А теперь выкладывай, для чего приехал в Каркаралинск.

Я стал рассказывать о цели поездки. Говорил путано, бестолково – о кино, Гражданской войне, ее героях и врагах.

– Стоп, – остановил меня аксакал. – Не темни, парень. Не герои революции тебя интересуют, а Лавр Корнилов. Злейший противник советской власти.

– О героях без врагов рассказать трудно, – подпустил я туман в наш разговор. Дядя Казбек задумался, почесал бородку, встал из-за стола.

– Значит, так, – решительно начал он. – Ничего, ни я, ни Ерлан о враге советского народа белом генерале Лавре Корнилове не знаем! И знать не хотим! Тебе в КГБ про него расскажут, оперуполномоченный, кстати, через дорогу живет. Это раз! А вот о каркаралинских казаках мы кое-что имеем. Дело – не запретное. Историческое. Только есть у меня к тебе одно условие. Давай на этом берегу сразу договоримся. О корнях Лавра ходит много споров. Сочиняют, кто что может. Одни говорят, что он калмыцких кровей. Имя его Лавга Гильджирович Дельдинов. Мол, родился в семье калмыка-казака и русской казачки в донской станице. Семья потом распалась. Маленький Лавр был усыновлен дядей Георгием Корниловым. Проживал он в Усть-Каменогорске. Другие – головой об стенку бьются, утверждают, что мать его казачка Прасковья Ильинична Хлыновская. В ней вроде как смешалась польская и калмыцкая кровь. Только все это придумки, видишь, до чего народ дошел. Уже врага власти хотят родственником сделать. А мы против такого подхода! Мы – за правду! Так, Ерлан? Изложи наш вариант. Казахский.

Ерлан медлить не стал и почти в той же тональности, что и аксакал, продолжил рассказ:

– Дед Лавра, Николай, был толмачом у султана округа Каркаралы Кунанбая Ускенбая. Отца великого поэта Абая. Отец, Георгий, казачий вахмистр, а мать – наша степнячка, из рода аргын, из станицы Кокпетинская. Звали ее Марьям. Ведь в то время что происходило? Частенько между русскими поселенцами и казахами случались стычки. Степняки нападали на села, казаки грабили аулы. Чтобы этого не допустить, казахи отправляли детей в русские поселки и города. Свообразные посланцы доброй воли. Марьям училась в церковно-приходской школе. В четырнадцать лет приняла православие и стала называться Марьей Ивановной. В семнадцать вышла замуж за Георгия Корнилова. У них, говорят, была сильная любовь. Родили 13 детей. Марьям была женщиной умной и волевой. Когда Лавру было два года, молодые по казахскому обычаю отдали его на воспитание родителям матери. Поэтому он хорошо знал казахский язык, ловко управлялся с лошадью.

– Да о чем еще говорить! – прервал рассказчика дядя Казбек. – Нашенский он, настоящий джигит! Веришь?

Я пожал плечами. Аксакал постучал по столу.

– Если не веришь, что он казах, то мы с Ерланом пошли, а ты дуй в Калмыкию. Они тебе семь коробов наплетут.

– Конечно, верю, – успокоил я новых знакомых. – Все сходится. Чего мне врать? Слово даю.

– Посмотрим, какое у тебя крепкое слово, бала. Так, Ерлан? Покажи гостю наши окрестности. А мне чай пора пить. Не забудь в кино пригласить, когда фильм снимешь. Только мало я в твою затею верю. Не сломай шею, сынок. Жизнь ох какая непростая...

И он ушел, осторожно ступая по скрипучим ступеням крыльца.

– Пора обедать, – протянул Ерлан, когда мы попрощались с корниловским домом. – Ты пиво пьешь?

– С удовольствием!

– Тогда за мной, – резко изменил курс краевед. – Здесь недалеко есть столовая. В ней хорошо кеспе готовят. И пиво всегда свежее, карагандинское.

В небольшой столовой было шумно. Было видно, что любители пива пировали не первый час. На столах лежали остатки вяленой рыбы и закуски. Народ о чем-то спорил, смеялся, но до первой драки было еще далеко. В дальнем углу знакомая Ерлана, посудомойка, смахнула полотенцем грязь со стола, где мы и бросили якорь.

– Айгуль, два кеспе и четыре кружки «Жигулевского», – попросил Ерлан девушку.

Пиво оказалось на удивление свежим, а лапша по-казахски – вкусной. Под хорошее настроение разговорились. Ерлан интересовался моей учебой в Москве, а я все расспрашивал про Корниловых. Потом поменял тему.

– Для будущего сценария мне нужен герой со странной судьбой. Не городской сумасшедший, конечно. Но колоритный, забавный, запоминающийся. Он не друг Лавра, но хороший знакомый. Так сказать, каркаралинская примечательность. Есть у тебя такой товарищ? – поставил я задачу краеведу.

– Есть! – на удивление быстро ответил Ерлан и постучал ложкой по кружке пива. – Владелец пивоваренного заводика Эдмунд Адольфович Линде. Он, к слову, родился в одно время с Лавром Корниловым и Лениным – в 1870 году. Записывать будешь?

С героем Ерлан угадал. Первый каркаралинский пивовар Эдмунд Линде оказался просто магнитом забавных историй. Куда только судьба его не заносила. В апреле 1917 года он вместе с группой уважаемых земляков угодил в кутузку. Нет, не за политические взгляды. За участие в дне рождения бывшего уездного начальника Л. А. Макаревича, который праздновал памятную дату «с выпивкой спиртных напитков из ликерных рюмок», хотя в России тогда действовал «сухой закон». Обвинение гласило: «Когда в нашем дорогом Отечестве переживается такой важный исторический момент, когда льется кровь дорогих граждан, когда семьи нуждаются в куске хлеба, когда каждый гражданин всеми силами не за смерть, а за совесть старается и заботится для укрепления, обновления России и святой Свободы, эти лица не заботились о решении трудных задач на благо народа и позволили себе преступную роскошь – выпивку спиртных напитков в компании с ненавистным врагом Линде, который все время спасался от преследования благодаря заступничеству уездного начальника Макаревича. Всех перечисленных лиц арестовать и заключить в Каркаралинскую уездную тюрьму до особого распоряжения».

Но горожане не приняли вердикт новой власти. Казаки созвали станичный собор и решили брать штурмом тюрьму. Солдаты отступили, арестованных освободили и на руках каждого доставили до дома.

Так кто же этот «ненавистный враг» Эдмунд Линде? Оказывается, владелец пивоваренного заводика. Выходец из Австрии принял российское подданство и осел в Каркаралах. В 1904 году из Европы он привез оборудование для изготовления пенного напитка. Им предприниматель снабжал буфет при Каркаралинском общественном собрании. Кроме того, Линде получил право на содержание пивной лавки «распивочно и на вынос». Ее появление на базарной площади взбудоражило противников алкоголя. Они тут же нанесли ответный удар. По инициативе Комитета попечительства о народной трезвости в городском саду поставили бесплатные кабели и открыли чайную. Вход в сад стоил 3 копейки, стакан чая – 5 копеек, порция плова – 27 копеек.

Но основной доход Линде получал от сбыта своей продукции на Кояндинской ярмарке. И делал это успешно, имел твердый авторитет честного торговца. В 1906 году Эдмунд Линде принял участие в выборах в Государственную Думу. Был он и присяжным заседателем, консультировал земляков по многим вопросам. До революции заводик являлся единственным промышленным предприятием Каркаралинска. Его производительность достигала 3000 ведер пива в год. Денежный годовой оборот составлял 7000 рублей.

Но в последующие смутные времена отношение властей к честному торговцу резко изменилось. Его обвинили в шпионаже. Обыск в доме Линде длился семь часов. Был обнаружен бочонок кваса и 18 пустых бутылок, что не могло служить доказательством причастности к разведывательной деятельности.

После революции Эдмунд Линде засобирился в Австрию. И даже получил разрешение на выезд, но по финансовым проблемам задержался в Каркаралах. А потом исчез.

– В его имении открыли детский дом, – завершил рассказ о чудачковом предпринимателе Ерлан. – Потом организовали заведение для престарелых. Ныне здесь психоневрологический дом-интернат. Вполне возможно, что Лавр Корнилов не раз встречался с Эдмундом Линде.

– Так, может быть, мы пьем сейчас пиво на том месте, где некогда была пивная Линде? – предположил я и поднял кружку.

– В Каркаралинске возможно все, – ответил Ерлан. – Но ты не расслабляйся. Сегодня нам еще предстоит опасное путешествие.

– Туризмом увлекаешься? – спросил меня Ерлан, когда мы вышли из пивной.

– И еще альпинизмом, – отшутился я.

– Здорово! – вышел на шутивную волну краевед. – Идем на штурм вершины. Точнее, озера. Его у нас называют Чертовым – Шайтанколь. Уверен, что маленький Корнилов не раз бывал на его берегу.

– Ты с ума сошел, – вяло упирался я после распития четырех кружек «Жигулевского».

– Ничего, разомнемся, – бодро стартовал Ерлан, как потом оказалось, на пяти-тысячметровую дистанцию. На этом расстоянии находилось загадочное Чертовое озеро.

Ерлан, безусловно, был прирожденным лектором. Не сбавляя темпа, петля между сосен и причудливых скал, он рассказывал одну за другой удивительные истории.

– Начну с поэзии. У Сырбая Мауленова в поэме «На вершинах Каркаралы» есть замечательные строчки:

Заря дала мне рыжего коня,
И ветер вдаль позвал веселой трелью,

Тропинка, как лисица, от меня
 Метнулась к Шайтанколю по ущелью,
 Земля прогнута тяжестью лесов,
 Березы – словно белые маралы.
 И озеро дрожит, как до краев
 Живой водой налитые пиалы.

– Красивые стихи, – откликнулся я. – Озеро, наверное, просто фантастическое?

– Не то слово. Это озеро – привидение! Загадка! У него бешеная энергия!

– Краеведы всегда так преувеличивают?

– Не веришь? Я расскажу тебе несколько историй, – добавил шаг Ерлан. – В 1905 году на западном берегу Шайтанколя установили крест и решили назвать озеро Святым. Как сообщили потом «Омские епархиальные ведомости», во время молебствия разыгрался настоящий ураган. Вихрь рвал и сметал все на своем пути, сбивая с ног прихожан. Когда же закончилась молитва, ветер так же неожиданно стих. Но скоро крест исчез. Говорили, что его кто-то сбросил в воду. Но за восемьдесят лет его никто не видел и не пытался поднять из воды.

– Чего же люди боятся?

– Таинственной и необъяснимой силы. Чертово озеро, скорее всего, образовалось в кратере вулкана. Оно имеет мощную энергию, бездонную сущность и темное женское начало. В таком озере могут водиться существа типа русалок или водяных. На фотографиях, которые я снял в темноте, видно много светящихся шаров и крылатых существ. Что это, духи или черти?

– Ну, ты даешь, брат. Напугал меня до смерти, – остановился я.

– Осталось немного, метров сто, – успокоил Ерлан.

Вот и чудо! Голубая чаша в живописном обрамлении скал и сосен. Выглядела она сколь красиво, столь и таинственно. Было на удивление тихо. Не слышно ни пения птиц, ни назойливого писка комаров.

– А озеро глубокое? – шепотом спросил я Ерлана.

– А кто его знает! Мы пробовали измерить, не получилось. Говорят, что у Шайтанколя двойное дно. Но к себе озеро исследователей не подпускает.

Мы присели на большой валун и молча наблюдали за водной гладью. Я подумал, что, вероятно, вот так же на берегу таинственного озера, сидел и юный Корнилов. О чем он думал? Какие планы строил? Может быть, озеро Шайтанколь одарило Лавра какой-то энергией? Почему здесь, в этих красивых и удивительных краях, выросло столько талантливых людей? Кто соткал эту ауру над Каркаралой?

– Ну что, пойдём? Уже темнеет. Ночью всякое может случиться, – прервал мои думы Ерлан, и мы начали осторожный спуск по узкой тропе к городку.

С Каркаралинском я попрощался целый день. За столом в доме Серика Бисембаева опять собрались родственники. Пригласили и моих новых знакомых – аксакала Казбека и краеведа Ерлана. Было душевно и весело. Серик хорошо играл на домбре, его дядя брал лихие аккорды на гармошке. Когда музыка стихала, вспоминали военные годы, читали письма отца с фронта. Уезжать не хотелось, но автобус пришел на автостанцию вовремя. За рулем – уже знакомый мне водитель.

– Кумыса напился? – весело поздоровался он. – Теперь до самой Караганды можешь дрыхнуть.

Не спалось. В ночном автобусе было тихо и темно. В самый раз подводить итоги поездки. Итак... Лавр безусловно был гордостью семьи Корниловых. Хотя, как вспо-

минала сестра Анна, в детстве он был маленький, худенький, с большой головой, поскольку подвержен был рахиту. Слабым он не был, но выглядел болезненным. Интерес к военной профессии у него появился рано. Мастерил из дерева военную колесницу и лошадиную сбрую из сардинной коробки. Охотился на сусликов и мышей. Но любимой игрой была «война». Когда взрослые уходили в гости, дом превращался в театр военных действий. Победителем в игре всегда был Александр Суворов, но вечером от отца за беспорядок в доме доставалось Лавру.

До поступления в гимназию он научился читать. Был Лаврушка человеком верующим. И утвердил его веру законоучитель Каркаралинской приходской школы священник Синев. Позже эта школа по ходатайству станичников стала носить имя Лавра Корнилова.

Летом 1883 года Лавра отвезли в Омск на учебу в Сибирский кадетский корпус. Провожая его, отец вручил книгу «Собрание писем старого офицера своему сыну». На титульном листе батька написал: «Кому деньги дороже чести – тот оставь службу. Петр Великий».

Так в Омск Лавр ехал на лошадях по этой же дороге, обрадовался я своему «открытию». Вот здорово...

– Мальчики – направо, девочки – налево, – прервал водитель автобуса ход моих мыслей знакомой фразой. – А ты чего не выходишь? До Караганды больше остановок не будет.

– Мне в Омск надо, – огорошил я шофера.

– О, брат, ты явно перепил кумыса, – засмеялся парень.

В Омск я попал только через две недели. И то случайно. Моего соседа, совхозного шофера Вовку Миллера, командировали в Омск за запасными частями для комбайнов. Рыдван у Вовки оказался еще тот. По асфальтированной дороге самосвал едва набирал приличную скорость. А уж по полевым дорогам ползли как черепаха. Добирались часов двенадцать. Перед Омском немного вздремнули и разбежались в разные стороны. Вовка – в «Сельхозтехнику», я – к бывшему зданию Сибирского кадетского корпуса.

Нашел его быстро, в нем тогда размещалась какая-то государственная организация. На входе меня тормознул бодрый пенсионер с красной повязкой на рукаве. Мол, куда, гражданин, и по какому случаю? Ну не расскажу же я ему об истинной цели моей командировки. Пошел обходным путем. Подарил бдительному вахтеру две пачки папирос «Беломорканал» алма-атинского производства. Знал, что для курильщиков это – как вобла для любителей пива. И, кажется, угадал. Мой собеседник подобрел и разговорился. В конце концов он выдал «военную тайну» – адрес известного в городе архивиста.

– У него все по полочкам разложено. На все случаи жизни, – объяснил, как оказалось, очень даже добродушный вахтер. – Мужик он интересный. Только одинокий, в столовой питается. Не забудь бутылку водки взять и колбаски граммов триста.

На след архивиста я вышел не сразу. В конце концов постучался в дверь старого дома на берегу реки.

– Чего вдруг ко мне? – встретил вопросом он на пороге. – Небось, кого-нибудь потерял – мать или отца, погибшего на фронте?

– Не угадали, Альфред Федорович, – попытался я для начала проникнуть в коридор дома. – У меня дело посложнее. Нужны материалы о Сибирском кадетском корпусе. Помочь сможете?

Архивист внимательно осмотрел меня, задержал взгляд на рюкзаке.

Я быстро среагировал:

– А как у вас насчет чайка?

Потом прошел на кухню, заставленную старыми кастрюлями, и торжественно водрузил на стол бутылку «Столичной» и пакет с закуской.

– Ну, чай так чай, – довольно хмыкнул дед. – Садись на табуретку. Бери нож и режь колбасу. А я стаканы помою.

К делу перешли после третьего тоста. Дедок оказался занятный. Все больше молчал, ждал, когда я задам главный вопрос. Тогда я пошел в открытую. Рассказал коротко о себе и почему приехал в Омск.

– Про Гражданскую войну у меня есть кое-какие материалы, – закурил Альфред Федорович. – Они мне, можно сказать, случайно достались. Нашел в подвале бывшего кадетского корпуса. Видимо, кто-то спрятал, а забрать из тайника не смог. Я в ту пору в этом здании сантехником работал. Поначалу решил сдать бумаги в КГБ. Потом испугался – вдруг в краже обвинят. Пусть, думаю, лежат, есть не просят, со временем кому-нибудь пригодятся. Вот, видишь, тебе понадобились.

Архивист ушел в другую комнату, откуда громко прокричал:

– Пока ищут материалы, ты сбегай в магазин. Он – рядом, через дорогу. И купи еще картошки. Страсть как люблю жареную.

Наши посиделки закончились в полночь. «Столичная» сделала свое дело. Альфред Федорович положил передо мной две пухлые папки документов и, выпив полстакана водки, прилег на топчан и тут же захрапел. А я до утра копался в бумагах и к великой радости нашел нужные документы о кадете Лавре Корнилове.

Попрощаться с хлебосольным дедом мне не пришлось. В шесть утра в условленном месте меня ждал сосед Вовка. Я аккуратно сложил бумаги в папки и написал на блокнотном листке: «Спасибо за все!»

Так чем же меня порадовал Альфред Федорович? Оказывается, вступительные экзамены в Сибирский кадетский корпус Лавр сдал успешно, кроме французского. Его он с треском провалил. Но приемная комиссия решила зачислить смышленного мальчишку. Правда, в качестве «приходящего кадета», а это значит, ему следовало платить за учебу и квартиру. Неудача не сломила Корнилова. По итогам первого года учебы его зачислили в следующий класс за казенный счет. И далее Лавр всегда был в числе лучших.

А учиться в корпусе было не просто. Подъем в шесть утра, через час – общая молитва. С восьми утра до трех часов дня – классные занятия. С перерывом на завтрак из двух блюд. Первое поочередно составляли шницель с картофельным пюре, пироги с мясом и рисом, плов из баранины и т. д. Второе было неизменным – чай с белым хлебом.

На обед традиционно подавался суп-рассольник с почками, борщ, щи кислые. Затем шло второе – битки с огурцами, котлеты, бефстроганов, тефтели и другие мясные блюда с гарниром. На десерт – пирожки.

После обеда – игры на плацу или прогулки строем по городу. Затем вечерние занятия, которые для младших заканчивались в восемь вечера. После чая с французской булкой следовала молитва и отбой.

Любимым предметом Корнилова была история. Лавр помогал товарищам по математике и языкам. Вместе с кадетом Битловым он перевел физику для седьмого класса на татарский язык. Словом, учился будущий генерал успешно. В аттестате вице-фельдфебеля Корнилова по многим предметам стоял наивысший бал – 12. И только за письменные работы по языку – 10. В августе 1898 года Лавр был переведен в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербург.

В первопрестольную я добирался в общем вагоне поезда «Караганда – Москва». На купейный билет денег не хватило. За неделю до отъезда мама посадила меня за стол, достала свой старый ридикюль и положила перед собой тонкую стопку купюр.

– Это все, что тут у меня есть, – тихо сказала она и спрятала глаза.

Моя любимая, мудрая, удивительная мамочка! Все годы киношной авантюры она верила в меня, в мой еще не дозревший талант. И даже тогда, когда несколько лет назад неожиданно умер отец. Он не болел, работал инженером в совхозе, но тромб, застрявший в сердце, решил исход его судьбы. Я думал, что после печальных поминок мать попросит меня остаться рядом с ней. Но вечером, когда мы ужинали вдвоем, она сказала:

– Ты обязательно должен кончить институт. Не бросай...

В Москве я вновь подался в архив. Здесь меня встретили как старого знакомого. Мой торт оказался кстати к полуденному чаепитию. В дороге я решил для себя, что пройти весь маршрут жизненного пути Корнилова мне не удастся. С важными материалами я мог познакомиться только в архиве. Да и потом, сценарий – это не беглое перечисление строк биографии великого человека. Нужна была главная идея фильма, которая и определит сюжетную линию картины. Ее я написал крупными буквами на чистом листе бумаги: Корнилов – враг или герой?

К тому времени я был убежден, что характер, талант, поступки Лавра Георгиевича Корнилова определили его родовые корни. Мать-казашка подарила ему многое – ясный и расчетливый ум, смелость и лихость, любовь к восточным языкам и традициям. Лавр любил степь, чтил и понимал ее законы. И не только восточные черты лица, а особые повадки, состояние души «выдавали» его казахское происхождение.

Закончив блестяще Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, он просит зачислить его в Туркестанскую бригаду. Здесь он почувствовал себя как дома. Чуть позже, после учебы в Императорской Николаевской Академии Генерального штаба, Лавр вновь уезжает в Туркестан, на афганскую границу, в распоряжение известного исследователя Азии генерала Ионова. Тот как-то пожаловался Корнилову, что его сильно беспокоит построенная с помощью англичан крепость Дейдади, расположенная в 50 верстах от границы на пути в Кабул. Ее вооружение и укрепление были полной тайной для русских, а все попытки разведчиков проникнуть в крепость кончались печально – их сажали на кол. Лавр попросил у генерала три дня отпуска и, побрив голову, переодетый в халат, отправился на конях с тремя туркменами к крепости. Там часовому на местном наречии он говорит, что едет на службу в конный полк эмира Афганистана. Хитрость удалась: через три дня Корнилов вручает генералу Ионову план крепости и дорог. Тот представляет храбреца к ордену Святого Владимира, но вместо этого капитан получает выговор с обещанием посадить его на 30 дней на гауптвахту за самовольную отлучку за границу. Но подвиг Корнилова уже по достоинству оценили коллеги. Ему поручают серьезные экспедиции по Кашгарии и Восточной Персии, материалы которых стали основой для важных трудов.

И еще один замечательный эпизод я нашел для будущего фильма. В Ташкенте Лавр Георгиевич женится на Таисии Владимировне Марковиной. Свадебное путешествие молодые решили, по предложению Лавра, провести в пустыне. По дороге вдруг выясняется, что новобрачная потеряла свое обручальное кольцо. Лавр поворачивает караван обратно и после долгих поисков находит кольцо в безбрежной песчаной пустыне! С ума сойти! Каков характер!

Подобных эпизодов в жизни Корнилова было немало. Их без труда можно было отобрать для сценария многосерийного фильма. Чего только стоит история о побеге из плена, сделавшая Лавра Георгиевича национальным героем.

В конце апреля 1915 года 48-я дивизия под командованием Корнилова в боях под Дуклой была вынуждена отступать. У деревни Ивна обозы русских войск окружили враги. Генерал Корнилов попытался вырваться из кольца. Раненный в голову и руку, он с горсткой солдат уходит в горы, но враги наступают семерых смельчаков – Корнилова, пятерых солдат и санитаря. В ходе боев дивизия генерала потеряла 5000 человек из 7000 и 34 орудия.

В плену Лавр Георгиевич сначала лечился в военном госпитале. Потом его перевели в замок Эстергази в венгерском селении Лекабыл. Отсюда он пытается несколько раз бежать. Первый план – захватить австрийский аэроплан – был раскрыт. Корнилова переводят в другой, более охраняемый лагерь. Здесь, всячески изнурая себя, он стремится вновь попасть в госпиталь. С больничной койки проще совершить побег. О нем он договаривается с фельдшером чехом Мрняком, который добывает для генерала австрийскую военную форму, деньги на дорогу и поддельные документы. И они оба по железной дороге направляются к румынской границе.

Погоня шла по пятам. Не выдержавший голода чех зашел в кабачок, где был схвачен жандармами. Теряя силы, Корнилов около месяца прячется в лесах и наконец встречает пастуха-славянина, который помогает перейти румынскую границу. Через несколько дней он уже в ставке Верховного главнокомандующего получает из рук государя награду.

Газеты пишут, что на сентябрь 1916 года в плену числилось 60 русских генералов. Бежал же лишь один Корнилов. Все издания на первых полосах поместили портрет Лавра Георгиевича. Казаки станицы Каркаралинской прислали своему земляку золотой нательный крест и 100 рублей денег.

Но впереди Корнилова ждали еще более суровые испытания. Боевого генерала Временный Комитет Государственной Думы назначает командующим войсками Петроградского военного округа и, в связи с отречением императора Николая II, поручает арестовать императрицу Александру Федоровну. Я предполагал, что этот эпизод мог стать центральным в фильме. Сам генерал не любил о нем вспоминать, многие обвинили его в предательстве и малодушии. Но свидетели утверждали, что вся процедура была проведена с максимальной корректностью. Корнилов сообщил Ее Величеству о решении Временного Правительства и попросил всех выйти, оставшись с императрицей наедине. О чем они говорили, сегодня уже никто не узнает. Когда Корнилов выходил, государыня поблагодарила его и заплакала. В тяжелом потрясении был и Лавр Георгиевич.

«В исполнительном комитете он говорил, что против царского режима, – потом писал в газете один из руководителей Совета рабочих и солдатских депутатов. – Я не думаю, чтобы Корнилов унизился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и “народу” вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

«Но вся ли это правда?» – пометил я у себя в блокноте.

– Федя, сынок, ты случайно не задремал? – услышал я знакомый голос. Подняв голову, увидел улыбающееся лицо сотрудницы отдела секретных материалов библиотеки Марии Ивановны.

– Пойдем в каптерку чай попьем, я творожный пирог испекла, – предложила она.

Каптеркой в библиотеке называли небольшую комнату, в которую едва втиснули квадратный стол, небольшой диван и четыре стула. В обеденный перерыв здесь «разжигали» пятилитровый электрический самовар, сотрудницы угощали друг друга домашними котлетами, пирожными и пирожками, делились последними новостями. С некоторых пор на чаепития стали приглашать и меня, бедного студента. Женщины накладывали полную тарелку еды, наливали полный стакан чая и на время забывали обо мне.

В этот раз в каптерке еще никого не было. Мария Ивановна достала из сумки сверток и бережно передала его мне.

– Что это? – удивился я.

Мария Ивановна, приложив палец к губам, тихо сказала:

– Это подарок, сюрприз. Только никому его не показывай. Вечером здесь же вернешь.

Я развернул полосу газеты «Труд», взял в руки книгу, название которой прочитал шепотом: «Антон Иванович Деникин. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. Воспоминания, мемуары».

– Ничего себе! – присвистнул я, прижав к груди фолиант, о котором не раз слышал. – Мария Ивановна, вы не представляете, как я вам благодарен...

– Умоляю, никому не показывай, – оглянулась на двери Мария Ивановна. – А теперь давай чай пить. С баранками.

На знакомство с книгой в четыреста страниц у меня оставалось пять часов. Понятно, что внимательно прочесть ее за столь короткое время было сложно. Я пробежал содержание: Корниловское движение и арест Корнилова, победа Керенского и финал его диктатуры, первые дни большевизма, формирование Добровольческой армии и наконец смерть генерала Корнилова... Битый месяц я пытался найти хоть какие-то факты о последнем дне Верховного Главнокомандующего. И вдруг такая удача. Потому эту главу из книги Деникина решил законспектировать, что было с моей стороны большим безумством.

«Глава 26. Смерть генерала Корнилова.

С раннего утра 31-го, как обычно, начался артиллерийский обстрел всего района фермы. Корнилова снова просили переместить штаб, но он ответил:

– Теперь уже не стоит, завтра штурм.

Перебросились с Корниловым несколькими незначительными фразами. Я не чувствовал тогда, что они будут последними...

...Был восьмой час. Глухой удар в роще: разметались кони, зашевелились люди. Другой совсем рядом – сухой и резкий. Прошло несколько минут.

– Ваше превосходительство! Генерал Корнилов...

Передо мной стоит адъютант командующего подпоручик Долинский с перекошенным лицом и от сдавившей горло судороги не может произнести больше ни слова.

Не нужно. Все понятно.

Генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел. Силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило об печку. В момент

разрыва гранаты в дверях появился Долинский, которого отшвырнуло в сторону. Когда затем Казанович и Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра.

Долинский не закончил еще своей фразы, как к обрыву подошел Романовский и несколько офицеров, принесли носилки и поставили возле меня. Он лежал на них беспомощно и недвижимо, с закрытыми глазами, с лицом, на котором как будто застыло выражение последних тяжелых дум и последней боли. Я наклонился к нему. Дыхание становилось все тише, тише и угасло.

Сдерживая рыдания, я приник к холодеющей руке почившего вождя...
...Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели.

– Конец всему!

В Елисаветинской тело омыли и положили в сосновый гроб, убранный первыми весенними цветами. Ввиду неопределенности положения армии надо было скрыть судьбу останков от внимания врагов. Тайно, в присутствии лишь нескольких человек, случайно узнавших о смерти Корнилова, станичный священник дрожащим голосом отслужил панихиду по убиенному воине Лавре. Вечером тайно положили гроб на повозку и, прикрыв его сеном, повезли в обозе уходившей армии. 2 апреля на остановке в немецкой колонии Гначбау предали тело земле. Лишь несколько человек конвоя присутствовало при опускании гроба. И вместо похоронного салюта верных войск почившего командующего провожал в могилу гром вражеских орудий, обстреливавших колонию. Растерянность и страх обнаружить присутствием старших чинов место упокоения были так велики, что начальник конвоя доложил мне о погребении только после его окончания. И я стороной незаметно прошел мимо, чтобы бросить прощальный взгляд на могилу.

Могилу сровняли с землей, сняли план места погребения в трех экземплярах и распределили между тремя лицами. Но судьба, безжалостная к вождю при жизни, была безжалостна и к праху его».

«В тот же день (2 апреля), – говорится в описании Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, – Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разъездов Темрюкского полка. Большевики первым делом бросились искать якобы “зарытые кадетами кассы и драгоценности”. При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Труп полковника Нежинцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красногвардейцами, ругали генерала Корнилова.

...С повозки тело было сброшено на панель. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но веревка оборвалась, и тело упало на мостовую.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его.

Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, его стали жечь в присутствии представителей большевистской власти, прибывших на зрелище на автомобилях.

Безумные люди! Огненными буквами записано в летописях имя ратоборца за поруганную русскую землю, его не вырвать грязными руками из памяти народной) – такими словами закончил главу Антон Иванович Деникин.

Я закрыл книгу и бережно завернул ее в газету.

– Мне страшно, Мария Ивановна, – сказал я тихо, возвращая сверток.

– Всем страшно, сынок...

Сценарий я писал 15 дней, точнее – суток. Это было похоже на бесконечную гонку, постоянным лидером которой было время. Я не мог, не имел права прийти к финишу с опозданием хотя бы на час. Иначе меня, дипломника ВГИКа, не допустили бы к защите проекта – сценария кинокартины о генерале Лавре Корнилове. Фильму я дал название «Белый ворон». Видимо, поэтому работа над сценарием шла под шептание строк известной песни «Черный ворон».

Черный ворон, черный ворон,
Что ж ты вьешься надо мной,
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой...

В шесть утра меня будил голос молочника: «Молоко! Молоко парное!» Я выскакивал первым с трехлитровой банкой из каморки дворника Петровича, у которого снимал угол. Потом мчался в булочную через дорогу, где покупал за копейки «бракованный» хлеб. Был он еще теплым, корочка вкусно хрустела и таяла во рту. Позже я вспоминал, что хлеб и молоко спасли меня в трудную пору от голодного обморока.

Когда до защиты дипломной работы остались считанные дни, я неожиданно запаниковал. Все никак не мог найти решение финальной сцены, объясняющей суть картины и мою позицию. А в голове продолжали бродить слова народной песни, и душа им аккомпанировала.

Калена стрела венчала
Среди битвы роковой,
Чую, смерть моя подходит.
Черный ворон, весь я твой.

Я понял, что мне не удастся обмануть строгую комиссию и своих учителей, «замаскировав» сценарий под повествование о борьбе с коварным врагом большевиков. Я был не в силах переписать историю и сделать легендарного Лавра Корнилова защитником царизма и предателем интересов народа.

За два дня до сдачи работы, забрав диплом из переплетного цеха, я примчался к своему руководителю.

– Бог с тобой, Федор, – с испугом посмотрела она на меня. – На тебе лица нет, будто минуту назад попал под бомбежку. Я же просила поменять тему, предупреждала. Чему бывать, того не миновать.

Защита дипломных проектов сценарного факультета проходила в небольшом актовом зале. Секретарь деканата пришила кнопку на дверь список очередности выпускников. В нем я был последним. Что происходило в этот день вокруг меня, я помню смутно. Кто-то прыгал и кричал «Браво!». Защитившие диплом в соседней аудитории распивали шампанское. Девчонки сначала хором вздыхали, а потом как с ума сошли – стали смеяться по любому поводу.

Наконец назвали мою фамилию. Я вошел в зал и встал за самостоятельную кафедру, установленную на столе. Председатель комиссии объявил название моей дипломной работы и бегло прочел мнение оппонента. Было оно резко отрицательным. Стало тихо. Такую тишину обычно называют почему-то гробовой. «Все, амба! Зарубят по полной!» Но мхатовская пауза меня не испугала. Наоборот: откуда-то сверху вдруг снизошло полное спокойствие и равнодушие.

Я с ненавистью посмотрел на членов комиссии. Хотелось крикнуть: «Ну что, гады, расстреливайте!» Комиссия словно услышала мой приказ. Далее обсуждение сценария походило на приговор самого строгого суда. Мне, как обвиняемому, вменялся букет преступлений – возвеличивание врага народа, незнание истории, неуважение традиций страны, отсутствие пролетарской линии, слабое сценарное мастерство и т. д.

Заключал обвинение секретарь парткома деканата, малоизвестный сценарист, но авторитетный знаток истории КПСС. Говорил он тихо, тоном человека, пережившего большую драму:

– Как вы, уважаемый, могли выбрать для своего сценария главным героем Корнилова! Злейшего врага нашего народа и партии большевиков. Это уму непостижимо! Вы кто? Писатель Шолохов? Но даже ему не удалось до конца решить в «Тихом Доне» проблему подлинной любви к Отчизне. Неужели вы считаете, что белый генерал Корнилов, который в армии слыл диктатором и ненавидел свой народ, являлся настоящим защитником России! Бред какой-то! Даже и не знаю, стоит ли комиссии оценивать ваш, скажем так, сомнительный опус.

– Ладно, Федор, выйди в коридор. Будем решать, что с тобой делать, – сказал председатель комиссии.

В коридоре было пусто. Уборщица, мывшая полы, с сожалением посмотрела на меня. Через полчаса секретарь позвала в зал...

Скрипучим голосом председатель комиссии выдохнул вердикт:

– Ты, Бруснецов, парень не бесталаный. Сельский самородок. Учился все годы неплохо. А вот со сценарием подкачал. Не той дорогой пошел, не того героя выбрал. Потому, образно говоря, кладем твой сценарий на полку, чтобы до органов не дошел. Будет нам тогда всем на орехи, мало не покажется. Ставим тебе удовлетворительно. Езжай домой, крути кино. Мой тебе совет – не лезь в политику, ненароком в тюрьму угодишь.

...И я вернулся в родную Макинку. Подробности своего провала маме рассказывать не стал. Но она почувствовала мое настроение, хотя вида не подала. О кино мы больше с ней не говорили.

Вскоре мама заболела. Она таяла буквально на глазах. Было больно наблюдать, как моя любимая мама теряла память, говорила часами об одном и том же. За не-

сколько дней до кончины она перестала меня узнавать, громко стонала, звала на помощь отца.

После ее ухода я вновь устроился киномехаником в сельский клуб. А поздней осенью женился на соседке Вере. У нас появился первенец – шустрый и смешливый Пашка. В три года я начал брать его на детские киносеансы. В зале сыну не сиделось. Он прибегал ко мне в кинобудку и крутил ручки проектора. Словом, наметилась в нашем киношном деле преемственность.

О своей учебе во ВГИКе я вспоминал все реже. Год-другой переписывался с однокурсниками. Кому-то удалось снять первый фильм. Кто-то продолжал безуспешно искать деньги на будущую кинокартину. Хотя это – не заботы сценариста. Но что стоит даже самый талантливый сценарий без снятого по нему фильма? Ни-че-го!

Началась перестройка. Как сейчас помню, стояло жаркое лето. В нашем саду только-только поспела красная и черная смородина. Пашка прятался в ее кустах, с ног до головы перемазанный ягодой. В сени вбежала Вера и застыла в дверном проеме. Так обычно делала мама, когда хотела сообщить что-то важное. Вера разулась, прошла аккуратно по недавно покрашенным половицам и положила передо мной конверт. Я посмотрел на адрес отправителя: Москва, Госкино СССР. Развернул лощеный лист с гербовой печатью: «Госкино СССР, киностудия «Мосфильм» предлагают вам заключить договор на постановку двухсерийного фильма «Белый ворон»».

Встревоженная Вера смотрела на меня, ожидая реакции. Минуту, другую. Пожалуй, впервые в моей жизни радость и боль оказались так рядом в одном душевном пространстве. Инстинктивно я понимал, что мое согласие резко поменяет нашу размеренную и устроенную жизнь, принесет немало мук Вере и Пашке. Что? Все сначала?

Я положил конверт рядом с бурными помидорами на подоконник, куда уже начали пробиваться горячие лучи полуденного солнца. И сказал сам себе:

– Пусть тут прогреется. Завтра и мы созреем...

Владимир Рыжков родился в 1950 году в селе Старая Макинка Кокчетавской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Работал в газетах «Степной маяк», «Ленинская смена», «Комсомольская правда», «Правда», «Казахстанская правда». Ныне – главный редактор областной газеты «Индустриальная Караганда». Лауреат журналистских конкурсов.

